ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЛАВА СОВЕТСКИМ ВОИНАМ!

Ракетчики на занятиях.
Фото Г. МАКАРОВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 9 (1914)

23 ФЕВРАЛЯ 1964

Встреча Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева с товарищем Тодором Живковым и другими членами партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии.

Фото А. Устинова.

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

«Да здравствует вечная и нерушимая дружба и всестороннее сотрудничество советского и болгарского народов!» Эту здравицу произнес Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, выступая с речью на встрече болгарской партийно-правительственной делегации, прибывшей в нашу страну с официальным дружественным визитом по приглашению ЦК КПСС и Советского правительства.

Горячо и сердечно приняла Москва посланцев братской Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателем Совета Министров НРБ Тодором Живковым.

17 февраля состоялась встреча товарища Н. С. Хрущева с партийно-правительственной делегацией Народной Республики Болгарии.

В этот же день партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии во главе с товарищем Тодором Живковым нанесла в Кремле визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

18 февраля в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии.

В Москве было подписано совместное советско-болгарское заявление. Партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии отбыла на родину.

Москва, Кремль, 18 февраля 1964 года. Встреча членов партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии с руководителями КПСС и Советского правительства.

Фото А. Устинова.

НАША ЭКОНОМИКА, НАША ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НАША МЫСЛЬ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВСЕ ВРЕМЯ В ДВИЖЕНИИ.

Н. С. ХРУЩЕВ

Родился я в степном краю, на Саратовщине, где не в столь уж давние времена над землепашцем тяжко нависал извечный страх — засуха. Это когда тебя перестают радовать ясные зори, когда с тщетной надеждой ты отыскиваешь на раскаленном, побелевшем от зноя небосводе хотя бы малое облачко, когда самое солнце, воспетое всеми певцами мира, становится для тебя проклятием.

В пору дружной весны снег исчезает с полей в течение нескольких дней. Обнажившаяся земля высыхает, едва в нее успеют бросить семя. А затем наступают дни томительного ожидания. Май на

Товарищ Н. С. Хрущев выступает с речью на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 года.

В зале заседания.

СОВЕРШИТ!

исходе, вот уже июнь подоспел, а дождя все нет и нет. Состарившиеся прежде времени растения жухнут, листья заостряются, на них уже явственно проступает зловещая желтизна. И тогда-то верующий и неверующий невольно обращали свой взор к небу, тогда отчаявшиеся люди звали священника, чтобы тот попросил всевышнего о ниспослании на землю спасительной влаги. Нет, пожалуй, более печального и трагического шествия, чем эти молебственные походы на почти мертвые поля!

Бог, однако, оставался равнодушным к горячей молитве хлебороба, к подворью которого уже приближался голод. Черный этот гость навещал крестьянина так часто, что уже казался неотвратимым, как судьба. И не только по засушливым степям подкрадывался он к людям. Нередко и дожди не могли остановить страшного пришельца. Земли, некогда дававшие обильнейшие урожаи при одном лишь условии, что на них вовремя упали благодатные дожди, вдруг сделались либо совсем яловыми, либо приносили ничтожнейшее количество зерна. В чем тут дело?

Не сразу понял хлебороб, что его кормилица — земля истощилась, что она и сама уже нуждается, чтоб ее подкармливали, что все или почти все живительные соки на протяжении долгих веков она уже отдала людям. Но даже когда и понял все это землепашец, то и тогда не мог ничего поделать. В условиях же степного края даже навоз нельзя было отдать родимой ниве, потому что навоз — это кизяки, а кизяки — главное и чуть ли не единственное топливо степняков.

Великий Октябрь в числе других гуманнейших актов совершил акт наигуманнейший: заводы передал рабочим, а земли тем, кто их веками поливал пóтом своим,— крестьянам. Объединившись в артели, они сделали для себя чрезвычайно важное открытие: они увидели, что меньше стали зависеть от капризов природы, что даже засуха — этот их древний и опасный враг — сделалась не такой уж зловещей, потому что на помощь засушливым районам тотчас же приходили районы, избавленные от засухи.

Мы сказали: меньше стали зависеть от капризов природы. И все-таки не совсем избавились от такой зависимости. Машины, в громадном количестве двинувшиеся на наши поля, не могли окончательно ликвидировать ее. Земля попрежнему ждет помощи от человека с тем, чтобы воздать ему потом полною мерой, в прямом и переносном смысле — полною мерой за такую его помощь.

Партия, которой советские люди обязаны всеми нашими победами, поняла это и призвала весь народ совершить еще один великий подвиг — в наикратчайший срок создать в нашей стране большую химию, которая помогла бы хорошо обуть и одеть советских людей, а главное, досыта накормить землю, насытить ее удобрениями, сделать ее высокоплодоносной.

Начиная с 1957 года человечество, и в первую голову советские люди, настойчиво, я бы сказал, с какой-то неистовой, неудержимой страстью штурмуют вселенную, атакуют космические дали, подбираясь все ближе и ближе к иным мирам, к иным планетам. Я верю, что со временем люди достигнут и Луны, и Марса, и Венеры. И это, разумеется, хорошо. Но я верю также и в другое, более того, я убежден, что в какие бы дали дальние ни проник человек, окрыленный всепобеждающей силой своего разума, пока он живет на земле и земля его мать и праматерь, о ней в первую очередь думы его, тревоги и заботы.

Этими-то великими думами и заботами и был исполнен февральский Пленум Центрального Комитета нашей партии. Вероятно, он войдет в историю как Пленум большой химии и большого хлеба.

На Пленуме выступали ученые, химики и агрохимики, выступали и рядовые солдаты наших полей, практики сельскохозяйственного производства, по большей части люди, менее всего склонные к употреблению звучных эпитетов и красивых словосочетаний. Тем не менее временами их речь, их мысли казались фантастическими. К примеру сказать, совсем недавно мы услышали о вещах почти невероятных — о возможности выращивания овощей без почвы, методом гидропоники, когда с помощью питательных растворов даже щебень, гравий, песок, извечно считавшиеся мертвой средой для растительного мира, вдруг становятся плодоносящими. Здесь, на Пленуме, мы увидели и услышали людей, для которых все это не фантастика, а дела практические, дела повседневные, нынешние. Что же касается дней завтрашних, то вот какими видятся они академику Г. С. Давтяну:

«Открытыми и тепличными установками возможности гидропоники не исчерпываются. Постепенно она развивается со все большим охватом и большей автоматизацией регулирования всех факторов внешней среды растений. Уже созданные в ряде стран и у нас фитотроны и вегетационные камеры искусственного климата становятся не только техническими средствами теоретических исследований, но и прообразом будущих фабрик растительной продукции, не зависящей от климата и почвы».

Не зависеть от климата и почвы — практически это означало бы, что на нашей планете не останется ни единого материкового клочка, на котором человек не мог бы вырастить хлеб. Выходит, что фантастическое обитает не только в космосе, но и на земле, обитает рядом с нами, ждет лишь наших умелых рук, нашего разума, нашей воли, нашего каждодневного упорства.

«По существу,— говорил на Пленуме Н. С. Хрущев,— химизация сельского хозяйства — это революция в сельскохозяйственном производстве, в его развитии по пути интенсификации». Революцию же, как известно, совершают люди, люди умные и энергичные. Химия совершит свои чудеса при одном лишь непременном условии: ею, как и всем нашим огромным хозяйством, сложным и многогранным, должны управлять светлые головы и умелые руки,— самые высокие и самые звучные слова тут не помогут. Этими мыслями были проникнуты выступления ораторов на Пленуме, ими же была исполнена заключительная, в высшей степени содержательная речь Н. С. Хрущева. «Развитие химии — это практическая борьба за построение коммунизма,— сказал он.— Во имя торжества коммунизма советский народ совершил много подвигов. Он совершит и новый великий подвиг на химическом фронте».

Имея такую смелую партию и такой отважный народ, страна наша совершит этот подвиг. Совершит!

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Фото Я. РЮМКИНА.

САЙРУС ИТОН: ВАШЕЙ СТРАНЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ГРАНДИОЗНОЕ БУДУЩЕЕ

Сайрус Итон — один из тех немногих американских промышленников, которые трезво подходят к идее мирного сосуществования между народами, в особенности между народами СССР и США.

— От улучшения отношений между этими двумя великими державами может быть лишь выгода. Я буду убеждать своих коллег-промышленников, что хорошие отношения с Советским Союзом необходимы для США,— сказал Сайрус Итон нашему корреспонденту во время беседы.

В Москве Сайрус Итон не впервые. По дороге из Шереметьева в город Сайрус Итон и его супруга Анна Итон живо интересовались теми изменениями, которые произошли в Москве со времени их последнего приезда три года тому назад.

— Размах вашего строительства, ваши кипящие жизнью улицы — разве это не лучшее свидетельство великой созидательной энергии советского народа!

Накануне своего отъезда из Москвы Сайрус Итон беседовал с советскими журналистами. «Я уезжаю из Советского Союза,— заявил Итон в заключение этой беседы,— с новой уверенностью в грандиозном будущем, которое принадлежит вашей великой стране».

В. ИНИН, М. БРУК

Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев принял 17 февраля видного американского общественного деятеля и представителя деловых кругов, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» С. Итона и его супругу А. Итон.

Фото А. Устинова.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков.

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ — В РЕДАКЦИИ «ОГОНЬКА»

Ветера

Иван ПАДЕРИН

Они встретились в редакции «Огонька» через 21 год — бывшие воины 62-й армии, участники великой битвы на Волге: маршал Советского Союза В. И. Чуйков и разведчица, ныне стрелочница А. М. Давыдова; бывший лейтенант А. Я. Очкин и его солдат, ныне столяр Н. И. Смородин; бывший комиссар Б. В. Филимонов и подполковник запаса В. В. Гусев... Это была трогательная, дружеская встреча. Об этой встрече, о ее участниках рассказывает писатель, бывший замполит полка Иван Падерин.

День на волжской круче...

Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант... Солнышко!..

Лейтенант поднял голову. Над ним ворочались огромные клубы дыма.

— Где Солнышко?..

— Там, справа. Землей засыпало!.. Фугаска взорвалась...

— За лопаты! — скомандовал лейтенант с такой же твердостью в голосе, с какой он приказывал брать гранаты и теснить, теснить противника от кручи, чтобы продлить борьбу за берег Волги.

В начале боя за кручу в группе лейтенанта Алексея Очкина было пятьдесят семь человек. Теперь осталось шестеро: Степан Кухта, Николай Смородин, Иван Пивоваров, Антонида Давыдова, Илларион Шутов, Николай Устинов. Восемь дней они не видели неба, не смотрели на звезды и, кажется, забыли про солнце: какое оно стало за эти дни.

И сейчас они в пять лопат принялись откапывать Солнышко. Шестого бойца, названного в группе начальником разведки, Николая Смородина, в этот момент с ними не было. Он ушел в разведку в цехи Тракторного завода с полной сумкой гранат — имитировать десант в тылу противника.

— Солнышко!..— прокричал кто-то тревожно, с тоской.

Дымилась воронка. Никто не отозвался.

— Берите правее,— приказал лейтенант, налегая на лопату.— Осторожнее... Чтоб не повредить...

— Тут где-то... Но глубоко, на самом дне окопа,— сказал боец, вставший рядом с лейтенантом.

Лопата лейтенанта отбрасывала в сторону землю большими порциями. Сильный, проворный, с широким размахом плеч, он готов был перевернуть весь берег, чтобы возвратить в строй своего бойца Солнышко... Еще в первый день боев на Тракторном заводе он встретил в кузнечном цехе бойца, который, задыхаясь от жары и чада, высунул голову в пролом стены — подышать свежим воздухом.

— Вылезай, рыжий!— крикнул Очкин.

— Патроны кончились.

— Вылезай, получишь целый диск! — повторил приказ лейтенант.

— Я сейчас...

Перед Очкиным предстал невысокого роста, краснощекий, в обмотках, в широких брюках боец с автоматом и пухлой сумкой на загорбке.

— Получай диск и дуй вон туда, за кузнечный пресс, в засаду: там скоро фрицы будут перебегать!

— Я сейчас, слушаюсь...

Вечером после боя в кузнечном цехе лейтенант снова встретился с рыжим бойцом, который как-то бесцеремонно, будто не признавая в нем командира, взял за локоть.

— Стой, лейтенант, на пилотке пятно... Ранен?

— Пройдет...

— Нет, перевязать надо!

И странное дело, лихой лейтенант сразу будто погас, когда бережливая рука прикоснулась к кровоточащей ране. Бинт ложился мягко и аккуратно.

— Смотри, какой исцелитель... Откуда ты взялся?

— Вчера мы из окружения, из Орловки вырвались. Теперь не знаю, куда деваться.

— Оставайся в моей группе,— распорядился лейтенант.

— Я сейчас... Извините, это у меня поговорка такая,— оговорился боец и тут же, приложив руку к пилотке, отчеканил: — Есть оставаться!

Дым, чад, пыль... И никто не смог разглядеть бойца в обмотках, у которого потом оказалось девичье имя — Тоня. Тоня Давыдова, Солнышко, как назвал ее в тот же день один пожилой боец. У нее были ласковые руки, бесстрашное сердце и солнечная улыбка.

Когда бои переметнулись на кручу — на самый край отвесного берега,— ее настигла, казалось, неминуемая гибель. Земля зашевелилась. Стенки окопа, в котором сидела Тоня, сдвинулись, сжали ей плечи. Самого взрыва фугасной бомбы она не слышала или не успела услышать: над окопом пронесся смерч. Вздыбившийся берег, как показалось ей, поднялся к тучам, а затем обвалился на нее. И сразу стало трудно дышать. Глаза сдавило, в них замелькал рой светлячков. Но сердце билось...

«Неужели все, неужели конец?..» Она не знала, что над ней почти двухметровая толща земли. Но всем существом она ощущала, что над ней работают люди с лопатами. Успеют ли?

Еще одно усилие, и она хватает воздух, жадно, во всю силу... Еще глоток — будто уснула. Потеряла сознание как раз в тот момент, когда ее выхватили из объятий земли. И не слышала голоса лейтенанта:

— Солнышко! Ну, вздохни еще раз... Солнышко!..

Прошло еще несколько минут, и она вздохнула, открыла глаза. И когда Тоня подала признаки жизни, лейтенант стал сразу строгим. Видно, так уж устроена натура человека, особенно фронтового командира: мертвым — поклон, умирающим — ласка, живым — строгий приказ.

— Теперь сама отдышится... По местам!..

К утру Тоня Давыдова пришла в себя, но встать не смогла.

— Отправить ее за Волгу! — приказал Очкин.

— Не поеду!..— закричала Тоня.

И если бы у нее осталась хоть капелька сил в руках и ногах, она ни за что бы не разрешила положить себя в лодку.

На рассвете 21 октября на кручу обрушился новый удар авиации и артиллерии гитлеровцев. Два часа пушки и минометы долбили берег. Затем вышли танки-тральщики, чтобы сделать проходы в заминированном поле перед кручей. За танками ринулась пехота.

Зачем и почему с такой яростью и такими большими силами прорывались немцы на кручу, обороняемую мизерной горсткой советских воинов? Этого тогда никто не знал. Теперь только, двадцать лет спустя, удалось установить истинную причину ярости противника на том участке. Кто-то донес Паулюсу, что под кручей находится штаб — командный пункт 62-й армии. Враги хотели во что бы то ни стало обезглавить армию. Теперь ясно, почему немцы по радио уговаривали защитников кручи: «Отдайте нам своего генерала Чуйкова, и мы наградим вас железными крестами...»

Бой на круче 21 октября закончился трагически. Погиб Иван Пивоваров, старый коммунист, участник гражданской войны. Он получил рану в бок, заткнул ее пилоткой, и продолжал вести огонь из пулемета, пока не остановилось дыхание.

Николай Устинов, оставшись без рук и без ног, скончался в полдень под разрывом мины. В тот же час вышел из строя Николай Смородин. Сначала он был ранен в ногу, а потом — в живот. Никто не думал, что ему суждено жить...

Бойцы вспоминают...

Николай Смородин... Вот он в редакции журнала, стоит перед нами. Смотрю на него и вспоминаю, каким он был зимой сорокового года, когда в Сибири я, будучи секретарем Купинского райкома комсомола, вручал ему комсомольский билет. Он тогда сказал:

— Устав читал, запоминал, а рассказать о нем, как положено, мне трудно. Но что надо делать комсомольцу и как вести себя, я знаю и буду выполнять это до конца!..

Теперь, когда ему уже сорок один год, можно сказать, что он с честью выполнил обязанности члена Ленинского союза молодежи.

...А рядом с Николаем Ильичом — Солнышко, Антонида Малеевна Давыдова. Она после войны вернулась в Сибирь и вот уже много лет работает старшим стрелочником железнодорожной станции Томск-1. Год назад она спасла мальчика, оказавшегося на путях перед поездом. Приказом начальника дороги отмечена благодарственными грамотами и назначена общественным инспектором службы пути Томского отделения.

Вместе с ней здесь, в редакции, и дочь Рая.

Бывший комиссар противотанкового дивизиона Борис Филимонов начал разговор с того, как в первый год войны еще совсем юные бойцы, придя в дивизион, формировавшийся на станции Татарская, осваивали военное дело, учились боевому мастерству. Учились усердно, настойчиво, преодолевая

НЫ

А. М. Давыдова.

Н. И. Смородин.

Фото А. Бочинина.

все трудности суровой сибирской зимы. Результаты сказались в бою.

— Когда на передний край нашего дивизиона двинулись шестьдесят немецких танков,— сказал он, глядя на сына Смородина,— тогда первые два танка подбил твой отец, Коля!..

Сын Смородина, шестнадцатилетний Коля, тоже пришел на встречу ветеранов.

— Я хорошо помню день четырнадцатого октября,— продолжал воспоминания о боях за Тракторный завод бывший заместитель начальника политотдела 112-й дивизии подполковник запаса Владимир Гусев.— В полдень площадь имени Дзержинского превратилась в сплошной круговорот огня. Помню такой момент. Я стоял на втором этаже полуразрушенного дома, который почему-то назывался «профессорским». Вдруг вижу, на площадь с двух сторон выходят колоннами немецкая пехота и танки. Что делать? Конец. Неожиданно навстречу колоннам выскакивает «катюша» на гусеничном ходу. Направляющие «стволы» опущены низко. И залп! Залп прямой наводкой в самую гущу. Затем выскочила вторая «катюша» и проделала то же самое. Откуда они взялись, тогда мне трудно было понять. Это был залп командарма шестьдесят два. И какой залп! Вся площадь под ураганным огнем... Снаряды «катюш» разметали колонны, жгли и рвали в клочья все, что было на пути. В этом жестоком бою бесстрашно сражались вот такие внешне незаметные, скромные наши люди, как Солнышко — Тоня Давыдова. Тогда она была такая же юная, как и ты, Рая,— обращается к дочери Давыдовой Владимир Владимирович.

Незаметно Коля и Рая, дети героев встречи, оказались в центре внимания. Да и как могло быть иначе! Ради них, ради счастья многих юных поколений боролись и побеждали отцы и матери, не жалея жизни.

Говорит маршал Чуйков

Традиции — главная тема встречи.

Взволнованно и озабоченно говорил на эту тему маршал Василий Иванович Чуйков, на чью долю выпало в девятнадцать лет командовать полком — это было еще в годы гражданской войны. Он на равных с бойцами делил все горести и беды окопной жизни под огнем великого сражения за волжский рубеж в сорок втором году. Он вел полки легендарной 62-й армии на Берлин, к стенам Тиргартена.

— Некоторые говорят, — замечает маршал, — что в книге «Начало пути» я много пишу о Хрущеве и почти ничего о Сталине. Да, это так. Я писал то, что было на самом деле. Сочинять не собирался и не буду. Неприкрашенная правда — самый сильный воспитатель. Влияния Сталина на битву я не ощущал, а с Никитой Сергеевичем встречался много раз. 13 сентября я поклялся перед ним, что город мы не сдадим: отстоим его или там погибнем...

Однако, чтобы дать клятву, надо было на кого-то надеяться. У меня была надежда. Вот на них, на таких бойцов, на партийную организацию, на комсомол. Молодежь сражалась выше всяких похвал. Это они, молодые воины, тогда сказали: «Отступать дальше нельзя, за Волгой земли для нас нет».

...Вспомним, о чем здесь говорила Солнышко. Раненная, контуженная, она не хотела уходить с поля боя! Это не легенда, это правда. Таких было множество. На таких держалась оборона города. Об их мужество разбились в пух и прах полчища Гитлера.

Бойцы, которые здесь находятся, все из 112-й дивизии. Сколько подвигов они свершили! Спустя двадцать лет мы сказали о них правду. И они считают это высшей наградой. Насколько же скромен русский человек! Вот чему надо учиться молодому поколению!

Сражение 14 октября — это кульминационный момент всей битвы. Если бы 14 октября немцы захватили город, то Советскому Союзу пришлось бы воевать на три фронта. Падение города-героя на Волге было бы сигналом для вооруженного выступления Турции и Японии против Советского Союза. Вместо открытия второго фронта на Западе против Германии пришлось бы нам вести борьбу на три фронта: Западный, Южный, Восточный. Но этот план Гитлера сорвали наши бойцы.

Легко раненный из боя не выходил. Он оставался в строю и держался до конца. Что могли сделать захватчики с такими людьми, как Коля Смородин, как Солнышко и Очкин, которые буквально по-суворовски пропускали противника, а потом уничтожали его!

— Если бы не ваш опыт,— Василий Иванович обращается к Очкину,— я не мог бы давать советов в своих инструкциях о штурмовых группах. Я видел, как вы сражались, как стойко держали свои рубежи. Без преувеличения могу сказать, что все стратегические планы Гитлера рухнули там, на берегах Волги, перед стойкостью наших воинов. Немецкие стратеги бросили на один город армию, которая завоевала всю Францию. Бросили на узкий, пятикилометровый участок фронта, чтобы пробить нашу оборону. Иногда они пробивали ее, но только днем, а ночью опять откатывались. Здесь они за каждую атаку платили больше, чем за взятие всей Франции.

Дивизия Сологуба, о бойцах которой идет речь, не отступала, нигде не отступала! Ее бойцы и командиры выползали из-под танков, из развалин, выползали одиночками, небольшими группами и, соединившись, снова вступали в бой. Об этом красноречиво и убедительно говорят боевые дела группы лейтенанта Алексея Очкина. И разве можно победить такую армию, таких людей! Войска Гитлера наступали 180 дней и никуда не прошли, а мы, устояв, пошли вперед. И дошли до Берлина. В ходе этой войны кое-кто из западных политиков хотел видеть Германию в гробу, а Советский Союз — на смертном одре. Не совсем так получилось. Мы вышли из этой войны победителями.

И суждено было случиться так, что на командном пункте той армии, которая отстояла священные рубежи на берегах Волги, через два с лишним года в Берлине были продиктованы условия безоговорочной капитуляции Германии. Это было 1 мая 1945 года. Именно на командный пункт 62-й армии, позже получившей звание гвардейской, пришел с белым флагом начальник генштаба Германии генерал Кребс. Он принес мне последнее письмо Геббельса и посмертное завещание Гитлера. Мы, советские воины, вынудили Гитлера застрелиться, а его ставку — капитулировать. Это наши люди, простые солдаты, главные герои войны, принесли человечеству такую радость. Не будь таких солдат, вся стратегия бы рухнула. Вот почему я доволен тем, что присутствующие здесь герои великой битвы и меня считают солдатом. Я горжусь этим самым высоким званием! Хочу, чтобы наши дети приняли из наших солдатских рук эстафету боевых традиций. Она поможет им достигнуть успеха на фронте строительства коммунизма в нашей стране.

* * *

Из Москвы сибирские гости редакции «Огонька» А. М. Давыдова и Н. И. Смородин уехали в Волгоград. Они показали там своим детям ту кручу, где стояли насмерть, и город, поднятый из руин.

Иван ХАРАБАРОВ

СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Словно сошедшие к нам
с киноленты,
Словно возникшие вдруг
из легенд,
Живут они —
сами живые легенды,
Живые участники
пламенных лет.
Мне даже не верится,
что они с нами:
Настолько те дни их
от нас далеки.
Но грезят они
Революции снами
И знать не хотят,
что они — старики!
И ночью,
опершись на подоконник,
В морозную мглу
они зорко глядят:
Им чудится топот
буденновских конниц,
Им слышится грохот пальбы с баррикад!
Им видится пламя тревожных рассветов,
На шапках солдатских —
куски кумача,
Им видятся бледные буквы декретов,
Им слышатся в Смольном
шаги Ильича!
Так слушайте ж их огневые рассказы,
Спешите на них наглядеться —
живых,
Пусть в наших сердцах не стихают
раскаты,
Не меркнут рассветы
тех лет грозовых!

Алексей ОЧКИН

ЧЕЛОВЕК ВЫДЕ

Николай Смородин сразу не откликнулся, хотя в дни 20-летия великой битвы на Волге о нем помянул в печати маршал Чуйков, бывший командарм 62-й. Тогда многие, кто знал о подвиге «57 бессмертных», откликнулись. А он молчал.

Потом наконец из редакции мне переслали его письмо. Скупое, сдержанное. Автор, видно, волновался и в то же время крепился изо всех сил, как может крепиться волевой человек...

И вот читаю, узнаю...

Мой боевой товарищ, потерявший на войне обе ноги,— отец пятерых детишек. А о жене почему-то умалчивает. Умалчивает и о том, что произошло какое-то непоправимое горе, потопившее радость победы, горе, помешавшее откликнуться сразу. Лишь в конце письма у него вырвалось то, ради чего он мне писал: «Прочел о «57 бессмертных» и узнал, что ты жив, узнал и твой адрес. Приезжай ко мне, мой командир Алеша, приезжай, если можно, поскорее...»

Братья могут стать чужими, а незнакомые когда-то люди, если они выстояли до конца и чудом выжили в огне войны, становятся самыми близкими. Время и расстояние не разлучают бойцов.

Я выехал к Смородину. До Новосибирска — самолетом, а там полсуток езды до Кулунды. Лечу, еду, вспоминаю первую встречу с Николаем, вспоминаю все, что знал о нем...

Лютая, суровая зима выдалась в первый год войны. В заснеженном сибирском городке формировалась наша стрелковая дивизия. Ко мне, тогда командиру взвода истребителей танков, каждый день прибывало пополнение. В один из морозных дней прибыл крепкий парень с тем здоровым загаром лица, который сразу отличает степняка. По сравнению с ним я, выпускник ленинградского артучилища, был очень худ. И от этого казался выше ростом. На рядовом Смородине гимнастерка как влитая — до отбоя ходил, не поправляя. А мне то и дело приходилось запускать два пальца под ремень и разглаживать складки...

Николай четырнадцати лет пошел работать прицепщиком, а с шестнадцати сел на трактор. Тяжелая солдатская служба давалась ему легко. Смородин делал все расчетливо, неторопливо. Иногда эта неторопливость меня бесила, я петушился, а он со смешинкой в глазах невозмутимо принимал выговор, будто ему доставляло удовольствие вывести меня из равновесия. А однажды, проходя после отбоя по казарме, я услышал его шепот соседу: «Тоже командир! Это же пацан...»

Командир части капитан Богданович, длинноногий, с упрямым, выпуклым лбом, бывало, поднимал нас ночью по тревоге, когда мороз ударял за тридцать. Глаза слипались, сон валил с ног, а капитан приказывал: с полной выкладкой на пятьдесят километров!..

Николаю Смородину привычно в степи, привычны морозы: не раз пробирался на тракторе с волокушей к стогам за сеном и соломой. Стоит и посмеивается про себя над каждой моей минутной заминкой с компасом: я, мол, и без компаса, командир, куда хошь выведу в этой степи!

Богданович довел марши до ста километров. Его не останавливали и сорокаградусные морозы. На что привычный Смородин, и тому стало невмоготу. Что уж говорить про нас, молоденьких, тогда мы все считали капитана жестоким. Вот комдив Сологуб, бритоголовый здоровяк, с добрыми глазами, тот нам был люб. Бывало, и похвалит нас. А того не знали мы, чудаки, что именно наш любимый Сологуб приказывал «ненавистному капитану» столь сурово готовить нас к боям.

Тракторист с Кулунды бил без промаха из пушки по неподвижным и движущимся «танкам». Видел во сне, как сжигает бронированные машины со свастикой. А утром — снова учения, поверки, инспекции... Наконец лето. Колеса отбивают: «На фронт, на фронт!..»

И снова мы в степи. Но теперь уже в знойной. Донской, выжженной, бурой. Среди каменных построек МТС произошел тот первый наш бой, который много значил для всех нас и для Смородина. Из «квадратной» рощи выползли десятки серых коробок, оставляя за собою рыжий хвост пыли. Волнуясь, считали: 30... 40... 50... 60... Уже слышали лязг гусениц. Стальная лавина неумолимо надвигалась. А наших всего шесть пушчонок — «сорокапяток». Но каждый из нас думал: «С места не сойду!»

Танки все ближе... Смородин, стиснув зубы, поймал в перекрестке панорамы махину с черно-желтым крестом и ожидал моей команды. «Огонь!» — скомандовал я и удивился, увидев танк, окутанный дымом. Смородин точно угодил в башню. Потом налетели «юнкерсы». Бомбили нас, обстреливали из пулеметов. Танки наступали, вели огонь из пушек. А мы не прекращали огня. В сводке все это выглядело лаконично: «29 июля 1942 года в районе станции Чир истребители капитана Богдановича отразили 60 фашистских танков и 22 сожгли». Тогда мы впервые поняли, для чего капитан был столь суров с нами...

Гибель товарищей и все пережитое сблизило меня со Смородиным. Это было начало дружбы... Потом он вызвался со мной в разведку — за Дон. Рассвет застал нас однажды у самой укрепленной линии немцев. Отползли к Дону. Поднялся туман. Мы оказались на открытой песчаной косе. Тут же — убитые наши бойцы. Отстреливаясь до последнего патрона, они полегли у реки. Нас и спасло это: распластались с Колей среди трупов. День выдался знойный. От убитых — смрад. Вот-вот, кажется, солнечный удар хватит. Речка рядом, манит со страшной силой. Напиться бы, окунуться, а потом хоть и помереть... Коля Смородин терпел. И я, его командир, должен был терпеть. В полдень немцу наскучило сидеть в дзоте. Из щели высунулась рука с парабеллумом. Ствол выискивал цель. Коле казалось, что целят в него, а мне — что в меня. Первая пуля ушла в голову «моего» убитого, вторая прошила мне голень. В сапог натекала кровь, рана жгла. А шевельнуться нельзя: обнаружат — пристрелят. Коля весь день ободрял меня. Взглядом...

Когда стемнело, мы скатились к реке и жадно пили, пили долго, не отрываясь. Коля перевязал мне ногу и всю обратную дорогу оберегал — не дал грести. А на берегу подставил свое плечо.

Наш любимый комдив Сологуб и капитан Богданович, у которого оказалась необыкновенно красивая душа, погибли. Нас оставалось все меньше. Командарм Чуйков верил нашей дивизии сибиряков и бросал ее на самые жаркие дела. Штурм Мамаева кургана, поселков «Красный Октябрь» и «Баррикады»... Везде сибиряки дрались отчаянно и стояли насмерть. Когда у балки Вишневой нас окружили, каждый из нас написал на своем комсомольском билете: «Отдам жизнь за Родину, но ни на шаг не отступлю». Швыряли последние гранаты, пели «Интернационал». Потом Коля Смородин откопал меня после одной из бомбежек...

Фашисты пошли в наступление на Тракторный, и командарм перебросил нас туда. 14 октября мы обороняли площадь Дзержинского. Сто танков устремилось на нас. Орудие Смородина было разбито. Сам он уцелел чудом и вел огонь из бронебойки. Все горело: развалины, асфальт, земля... Немцы потеряли два десятка танков, но так и не взяли горстку бойцов, обогнув завод с тыла.

Мы прорвались в горящие цеха и продолжали бой с танками. Фашисты жгли нас, а мы — их. И вот тогда 57 раненых и обгоревших заняли оборону по самой кромке волжской кручи... Последние боеприпасы... Последний рубеж...

Гитлеровский генерал Ганс Дерр написал в своих книгах, что фашистские дивизии не смогли овладеть отвесным берегом Волги у Тракторного и сломить сопротивление... трех дивизий русских. И еще писал он, что если днем немцам удавалось подойти к обрыву, то «ночью они вынуждены были снова отходить, так как засевшие в оврагах русские отрезали их от тыла». «Три дивизии» — это были мы, пятьдесят семь бойцов! А «засевшие в оврагах» — Николай Смородин и три бойца с автоматами. Они брали с собою мешок гранат, пробирались в расположение фашистских частей и устраивали там переполох.

Девять дней мы не держали во рту крохи хлеба. Мутило, все плыло перед глазами. И страшнее всего Коле Смородину было оступиться и рухнуть из ячейки, прилепившейся, как ласточкино гнездо, на отвесной круче. Если он рухнет — пройдет фашист. А за спиною Смородина — Волга, дальше — Урал, Сибирь.

Когда нас осталось шестеро, Смородин подбил три танка. Прицелился в четвертый танк-тральщик, но тут его оглушило снарядом. Коля уцепился за край обрыва, но ослабевшее тело сползало. Это последнее, что я увидел, потому что и меня тяжело ранило...

Степан Кухта рассказал потом: ночью он привязал Колю Смородина к плотику из двух бревен, такой же плотик соорудил для меня и оттолкнул нас от берега. С тех пор я ничего не слышал о Коле...

Какой он через двадцать лет? Почему молчал? Что за беда обрушилась на него? Чем ближе к встрече, тем тревожнее мысли...

Когда «газик» остановился у светлого домика, я увидел на завалинке худощавого моложавого

Фото Я. Рюмкина.

РЖИВАЕТ...

мужчину с белоголовым мальчонкой, а кругом много народу, все село Чаинка. Смородин оттолкнулся от дома и, одним махом оказавшись рядом со мною, крепко взял меня в тиски. Мы обхватили друг друга и долго молчали. Мы молчали, а женщины плакали. Смородин на протезах стал теперь чуть ниже, и ежик его волос был на уровне моих глаз. Тот же короткий, задорный ежик, но не прежний, черный, как смоль...

Что чувствуют при встрече люди, не раз глядевшие вместе смерти в глаза на том рубеже, где нет середины, где нельзя солгать, где видно всего человека? Я не берусь отвечать на такой вопрос, потому что не все можно передать словами...

Вот и сейчас мы со Смородиным выпустили друг друга из объятий и, не зная, о чем говорить, сказали обычное: «Ишь какой ты стал!..» Потом я поздоровался с окружающими, и Николай, постепенно приходя в себя, знакомил меня с односельчанами. Дошел черед и до белоголового карапуза, я взял его на руки, а он, вырываясь, двинул меня в скулу твердым кулачком.

— Ванюшка, зачем же ты бьешь? Это ж друг мой,— засмеялся Николай.

Мы с Николаем зашли в дом. Сенцы, кухня, две комнаты. По всему видно, что дом не баловали женские руки.

— Старшенькие у меня в пионерлагерях,— собирая на стол, пояснил Николай.— Одни мы с Ванюшкой хозяйничаем. Мать у меня старушка, ей за семьдесят, больше у старшего брата живет. Ну, а когда дома дочки... Тут блестит все.

В кухне раздался требовательный крик Ванюшки: «Хочу к папке!» Николай вышел, поблагодарил соседку, которая подоила корову и покормила сына. «Что ж он о жене молчит? — подумал я еще раз. — Видно, придет время, скажет». Снова послышался крик Ванюшки, плеск воды, потом появился Смородин в дверях. Ухватив сына одной рукой поперек тельца, он утирал его полотенцем, а Ванюшка сопротивлялся.

— Ну, командир,— Николай уселся напротив меня и пригладил ладонью вихрастую белую голову Ванюшки,— расскажу теперь, что со мною было... Когда Степан оттолкнул меня на бревнах от берега, я лишь на время пришел в себя, увидел кручу, пожар и снова потерял память. Солдаты, сдавшие меня в госпиталь, говорили медикам, что выловили плот у Красной Слободы. Значит, отнесло километров на пятнадцать вниз...

Ванюшка поморгал белесыми ресницами и уснул на руках отца. Николай переложил его на кровать и продолжал:

— Провалялся я в госпитале долго. Стал поправляться, и тут новая беда... Отец прописал, что похоронная пришла с фронта на брата моего, Игната. Что будешь делать... Рвался я на фронт. Потопить горе. Просился в свою часть, а попал в другую. Дела были веселые, наступали на Харьков. Тут и случилось... В боях за Бекетовку вовсе искалечило меня. Хоть бы одну оторвало, а то сразу обе... Четырнадцать месяцев пролежал в Тбилиси, родным ничего не сообщал. Заявился нежданно. На фронте и в госпитале повидал всякое, но то, что увидел в родной деревне, резануло...

Женщины и инвалиды надрывались изо всех сил, хозяйство большое тянули. Старший брат Карп — инвалид, был председателем. «Выпиши мне мяса»,— попросил его. Он только свистнул: ишь, мол, чего захотел!— и отрубил: «Мясо для фронта, братуха, а мы отвоевались, и так проживем. Хочешь, овсяной муки выпишу?» Обиделся я было на Карпа, а потом рассудил: с какой стати он мне будет делать исключение?..

Николай оборвал свой рассказ, вышел в сенцы, принес жбан холодного кваса. Налил мне, наполнил себе кружку и как приник пересохшими губами, так и выпил одним махом. Рассказ свой продолжал спокойно, но чувствовалось, что внутри у него все трепетало:

— На протезах я передвигался плохо. Живу инвалидом, а люди от зари до зари в поле. Разгар лета, рук не хватает. Машин тоже нехватка. Приметил поломанную ржавую жатку, решил в ход пустить, никто не верил в мою затею. Да и у меня самого долго не ладилось. Ну, все ж перебрал я эту жатку, в ход пустил и по две нормы давал. Потом и трактористом работал. Тут меня техника безопасности ссадила. Бился — не помогло. По инструкции на тракторе инвалиду не положено — и точка! Снова я как отрезанный ломоть — в стороне от дела...

Смородин задумался, будто пережил еще раз то время.

— Подал мне руку один хороший человек... Наташка... Поженились. Вдвоем веселее. Переехали в совхоз «Чаинку». Детишки пошли. Наташка работает, я по хозяйству приглядываю. Но не утерпел, пошел на строительство. Не верили, как и в колхозе, что справлюсь. Добился. Поставили в столярку — рамы и двери делать. А мне, честно, мука была... это на тракторе сиди, управляй рычагами, а тут восемь часов простоять надо. Губы искусаю, еле плетусь домой. Наташка спрашивает: чего с лица белый? Не хочу ее огорчать, отмахнусь: ерунда, мол... А сам не знаю, как дальше. Тогда и надумал клин клином вышибать! Ночью тихо, чтобы Наташка не слышала, выйду из дома и стою час-другой, пока от боли проклятой не потемнеет в глазах. Сожму зубы, терплю. Утром под глазами сине, губы кровяные. Наташка догадалась, плачет... Высох, на себя не похож стал. Тут она и пошла в атаку — бросай работу! Я ей: «Молчи, если жить порешили!» «Отступись!» — требует. А я свое: «Не отступлюсь».

Через полгода я запросто смог отрабатывать смену и тренировки свои убавлял. Ну, а там совсем отказался... Отработаю смену и хоть бы хны, с детишками играю. Наташка снова зацвела, что вишня в один год два раза. Заработок у меня стал ничего, не хуже, чем на тракторе. Детишкам обновку справили, сами приоделись. Вечером пойдем в Дом культуры, а на улице новые дома. Мои дома. Сам себя вроде уважаешь! Люди завидовали нашему счастью. А мы не скрывали его, норовили лишний раз по улице пройтись. Народился Ванюшка, пятеро их у меня, детишек, стало...

Николай смолк. За окном дымился рассвет нового дня. Иногда время мучительно долго тянется, а иногда так пролетит... Видимо, у каждого человека бывают такие ночи. Может, и у Николая Смородина была сегодня такая ночь...

Мы вышли на улицу. Рассветная дымка почти растаяла, и за домами открылся степной простор. Николай, прислонившись к загородке, жадно, затяжками курил. Он стоял ко мне спиной и заговорил тихо, с хрипотцой:

— Счастье недолгим было... Погляди, какая она, степь Кулунды... Широкая! И надо же такому случиться — столкнулись в той широкой степи две машины. Мы тогда возвращались с Наташкой из города... Не я, безногий, погиб — она...

Николай повернулся ко мне. Глаза плакали, но странная в них мелькнула знакомая смешинка. И только сейчас, спустя двадцать лет, я догадался, что она у него всегда, странная эта смешинка.

...Скрипнула дверь. Маленький Ванюшка заковылял смешно за угол дома...

Хлопали калитки, просыпалась улица. Николай догнал, подхватил Ванюшку и унес домой А я думал о человеческой судьбе, о том, как милостива она к одним и как зла к другим. Бывает вот, все тяжкие испытания валит на одного человека, словно пробует сломить его. И ничего-то у нее, у судьбы, не выходит. Человека трудно сломить, человек выдерживает!..

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Призывный горн

О поэме Егора Исаева «Суд памяти»

Полтора года тому назад в поэтический хор, звучавший лирическими струнами, романтическими напевами — всем тем, чем должен звучать поэтический хор, ворвался резкий и тревожный крик военного горна. Из горна трудно извлечь ангельские звуки — он звал и кричал, временами его крики были грубы, они будоражили сердце и заставляли оглянуться вокруг, задуматься над тем, что происходит на свете. Горн не ласкал слуха любителям лирики, но и не оставлял равнодушным никого из тех, кто слышал его зовущий голос. Полтора года назад появилась поэма Егора Исаева «Суд памяти».

Сам солдат, прошагавший сотни километров по фронтовым дорогам, не раз смотревший в глаза смерти, Егор Исаев знает войну не понаслышке. Вкус соленого пота у него на губах, свист пуль в ушах, и плечи еще не размялись от амуниции. Война, не погасшая в сознании и памяти, осветила поэму огненными вспышками, придала поэтической речи жесткость, мужественность и силу солдатской правды.

Поэма, написанная рукой солдата, направлена своим разящим острием против тех, кто готовит новые войны, кто взращивает ядовитые семена реванша, кто своим равнодушием, покорностью, безмыслием способствует поджигателям войны. Слезы вдов и сирот, стоны раненых, чад пожарищ, боль уходящих из жизни и скорбь живых — все в этой поэме!

Ее герой, солдат Третьего райха Герман Хорст, прошел сквозь ад, не думая, не рассуждая:

Солдат!
Он должен быть жесток
И, как взрыватель,
Прост.
Над нами бог,
И с нами бог:
Огонь!
И Герман Хорст
Поштучным,
пачечным,
строчным
С колена бил,
С брони
Не по фанерным —
По живым.
И падали они
И вниз лицом
И к небу — вверх —
В хлеба,
в осоку,
в ил:
Германия — превыше всех,
Превыше их могил...

И вот он дома — гитлеровский солдат, сын вильгельмовского солдата, война окончилась. Что она принесла ему? Сладость победы? Нет! Победа осталась за теми, кто сражался во имя правды, за свободу, против тьмы и зла. Но он, Герман Хорст, жив.

Была весна.
И первая пчела
Прошла над ним,
Как пуля мимо цели.
И — слава богу! — голова цела.
И — слава богу! — руки были
целы.

Но руки эти, огрубевшие, но все еще сильные, оказались никому не нужными. И голос шефа, одного из тех, кто правит жизнью там, на Рейне, прозвучал сурово и жестоко:

— Я должен вас уволить,
к сожаленью.
Покойной ночи...

Прощай, труд, «кофейный дух. Кино в субботу. Кирха в воскресенье», прощай, все то, что примиряло душу с перенесенными страданиями, лишениями и утратами. А на руках кроткая Лотта и маленький сын. И делать нечего: не нужен никому Хорст.

К счастью, набрел Герман Хорст на заброшенное, поросшее полынью старое стрельбище, служившее трем поколениям немецких солдат — бисмарковских, вильгельмовских, гитлеровских,— густо засеянное пулями, как зерном, стал собирать их, лить свинец и этим жить.

И хоть встают перед Германом Хорстом кровавые видения военных лет, он отмахивается от них, он не желает ни о чем думать — он всего только хочет жить, дышать, смотреть на голубое небо, на зелень рейнских виноградников и любить свою Лотту и маленького сына. Когда сосед, тоже старый солдат, безногий Курт говорит ему о своей тоске, о страшных снах, о тяжких мыслях, Хорст не слушает его: «Потом доскажешь. Некогда».

И даже после встречи и спора со старым приятелем, рабочим патронного цеха Гансом, который тоже воевал, но многое переоценил, проклял злую, неправедную войну, пошел в плен, Хорст остается самим собой.

— А долг? Солдатский долг?! — продолжал твердить он.

Ганс понял, что все это ложь:

Все те же, Хорст, они,
Кому всю жизнь до нищеты
должны.
За хлеб должны,
За кружку молока,
За место у патронного станка.
Всю жизнь должны,
Как деды и отцы.
Подвалы — нам, а им, старик,—
дворцы!
Окопы — нам, а им, старик,—
чины.
Платили кровью!
Все равно должны.

Но Хорст равнодушен к словам Ганса. И даже когда «Босая Память — маленькая женщина», скорбно идущая по земле, печали не тая, воплощение тревоги человеческой, говорит Хорсту от имени всех убитых, осиротевших:

— Так пусть войдет бессонница
моя
В твои глаза
И опалит ресницы
Моей бедой...

Хорст возражает ей:

— Но я же рядовой...
А рядовых,
Сама ты знаешь, за войну
не судят...

— Нет, судят, Хорст! — говорит маленькая женщина.

И в этих словах весь смысл поэмы.

За стеной скромного жилища Хорста снова слышится грохот барабанов, раздаются отрывистые слова команды, гром маршей, как четверть века назад.

В тиши штабных кабинетов вынашиваются планы новой войны, реваншисты всех мастей, хищники мирового империализма, снова готовятся ввергнуть человечество в пучину неслыханных бедствий. Их союзники — равнодушие, ограниченность, неверие в силы мира.

И поэт бьет тревогу «всей многотрубной медью!», и бросает свою ярость в лицо поджигателям войны, в лицо равнодушным, немым и слепым, и судит их своим сердцем, своей правдой, своей солдатской памятью:

Я Курту руку подаю.
Я Гансу руку подаю.
Тебе же, Хорст, помедлю.

Поэма Егора Исаева сильна тем, что он выразил в ней чувства своего великого народа, который твердо стоит за мир на земле и борется за правду и честность, против тьмы и зла.

Поэма Егора Исаева «Суд памяти» — произведение большого социального звучания. Это голос солдата, обращенный к солдатам. Это голос Человека, обращенного ко всем людям земли.

Ник. КРУЖКОВ

СНОВА ЛИДИЯ СКОБЛИКОВА

Не успели смолкнуть овации в честь Лидии Скобликовой на олимпийском стадионе в Инсбруке, как они разразились с новой силой, на этот раз на стадионе Бьёркваллен в шведском городе Кристинехамне. Там было разыграно XXII первенство мира.

Л. Скобликова лишь на дистанции 500 метров разделила первенство с другой советской скороходкой, И. Егоровой, остальные три забега — на 1 000, 1 500 и 3 000 метров — принесли лично ей три золотых медали.

Таким образом, советская спортсменка получила так же, как на прошлогоднем первенстве мира в Каруидзаве, все пять золотых медалей (четыре за победы на дистанциях и пятую за абсолютное первенство).

Вместе с Лидией Скобликовой на пьедестал почета поднялись ее подруги по команде: Инга Воронина, завоевавшая на первенстве мира в Кристинехамне серебряную медаль, и Тамара Рылова, которой вручена медаль бронзовая.

Швеция. Кристинехамн. Абсолютная чемпионка мира Лидия Скобликова на дистанции 500 метров.

Фото Прессенс Бильд — ТАСС.

В. Божко. ВОДРУЖЕНИЕ ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ.

Смоленский областной музей краеведения.

Н. Присекин. ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ.

Л. Котляров. ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ.

Пули издалека

Иван СТАДНЮК

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Багрово-синие шрамы, оставленные на теле Павла Ярчука горячим железом давно минувшей войны, напоминали ему о себе сверлящей болью только перед слякотным ненастьем. А боль от душевных ран, от всего виданного и слышанного, что когда-то леденило кровь, кажется, умерла совсем. Только иногда воскресала в снах, заставляя сердце захлебываться в тяжком удушье. Но таилась в груди одна рана, неподвластная времени. Каждый раз, когда встречал Павел Настю или ее дочь Маринку, когда проходил мимо их опрятной хаты-белянки, возведенной до войны крепкими ручищами Саши Черных, рана начинала кровоточить, и чувствовал себя Павел так, будто надышался чадом.

Не вернулся Саша Черных с войны. «Пропал без вести»,— скупо гласила казенная бумага, которую получила Настя после освобождения Винничины от оккупантов. Пропал... В Кохановке только один Павел Ярчук знает, где и как пропал Черных — тот самый высокий, чернолицый Саша, что отнял у него Настю — его первую, трудную, неотлюбленную любовь. Но это тайна Павла. Никто о ней не ведает. Даже Настя... А может, сердце подсказывает что-либо Насте? Иначе почему она при встречах с Павлом смотрит на него своими еще не выцветшими, синими глазами так тревожно-выжидательно, с таким покорством и бледной просительной улыбкой?..

Произошло это в мае тысяча девятьсот сорок пятого, на юге Австрии. В огне, грохоте, человеческих воплях шагала по земле последняя военная весна. В струях небесной голубизны с грозным клекотом кружили самолеты, роняя на землю черные, начиненные воющей смертью капли. Зеленые предгорья Альп, склоны которых были увенчаны буйными кудрями виноградников, пузырились грохочущими султанами, покрывались рваными ранами, дымились. Сквозь канонаду, всплески пламени, дым, вой пуль и осколков ползли танки и самоходки, ослепляя и усмиряя врага огненными плевками, бежали солдаты, засевая впереди себя землю горячим свинцовым зерном, которое никогда не прорастет.

Одним из таких сеятелей был Павел Платонович Ярчук — сержант, командир пулеметного расчета.

В суматошливом чаду боя никто не заметил, как из-за крутых изумрудных холмов выползла иссиня-черная туча. Будто поднялась с земли в небо война со своим оглушающим орудийным ревом и зарницами. Засверкала молния, обнажая тугие ветвистые вены, наполненные слепяще-золотой кровью. Удары грома будто сорвали с привычного места небо, и оно неожиданно стало рушиться на землю сизым густым ливнем.

Не стало ни земли, ни неба. Только лютая хлябь...

Бой приутих, а затем вовсе утонул в сером водяном мраке.

Стрелковая рота и несколько самоходных пушек, вырвавшихся далеко вперед, спешно закреплялись на холме вдоль опушки рощи, клокотавшей под ударами ветра и воды. Древняя роща с жидким подлеском нависла над шоссейной дорогой, которая еще недавно была в тылу яростно упиравшихся фашистов. Солдаты расчета Павла Ярчука, чертыхаясь и сопя, прямо под ливнем выгрызали лопатками в вязкой земле гнездо для пулемета и для себя.

Когда лютость грозы иссякла, Павел уже укрылся с солдатами и «станкачом» в мокром, с оползающими стенками окопе. Из-за уплывающей на край неба тучи робко выглянуло солнце, зажгло на траве и листве деревьев мириады солнышек-бусинок, подкрасило багрянцем суглинок за опушкой и, словно убедившись, что не успеть ему до заката обсушить и обогреть раскисшую землю, стыдливо нырнуло под рваное крыло облаков, спешивших вслед за облегчившейся грозовой тучей.

Павел вылез из окопа. Увидел, что рядом, на краю выступа рощи, артиллеристы маскируют срубленными ветвями самоходную пушку, над которой колыхался тоненький хлыст антенны. Хотел было подойти к ним, но вдруг над головой жалобно взвизгнули пули и тут же откуда-то с тыла донесся басовитый стрекот немецкого автомата.

Павел упал на мокрую траву, огляделся. Услышал чей-то взвинченный голос:

— Куда прешься под пули?! Не видишь, что отрезаны от своих?

Но все оказалось гораздо сложнее и опаснее, чем одно то обстоятельство, что небольшая наша войсковая группа попала в окружение. Гитлеровцам нужна была шоссейная дорога. Только по ней могли они отвести на запад зажатую в предгорьях группировку своих войск. И враг начал подтягивать резервы.

Окруженные, имея возможность хорошо просматривать вокруг себя местность, поняли, какая опасность им угрожает. Надо было прорываться к своим, но по радио поступил приказ: любой ценой удержаться в роще до утра.

Любой ценой... Это значило — ценой крови, ценой жизней. Таков закон войны. И никак иначе. Тем более что оборонительный бой в окружении на небольшой площади и малыми силами — это заведомо злая игра со смертью, в которой чаще проигрывает окруженный.

Но какой бы трудный и опасный бой ни предстоял, солдат никогда не мирится с неизбежностью смерти. Разумом он понимает, что можно погибнуть, а в иных ситуациях вовсе нельзя не умереть, и все-таки где-то в глубинах его сердца таится надежда, что смерть промахнется и не вылущит жизнь из его тела. Эта надежда не покидала Павла Ярчука в самых грозных боях под Москвой и на Волге, под Курском и Корсунем, под Яссами и на Балатоне. И хотя не раз рвали железные когти его тело, но до сердца не добрались...

И вот теперь, когда вся атмосфера фронтового бытия насквозь пропитана тревожно-радостным ощущением конца войны, когда вот-вот должен был наступить день, к которому рвался солдат всю войну каждой клеткой тела,— удастся ли Павлу переступить этот, может

Из нового романа.

быть, последний порог, стоящий между смертью и жизнью, и окунуться в восторженное счастье победы! Ведь столько раз в сладких мечтаниях видел он конец войны, и крылья воображения несли его на берег далекой Бужанки, туда, где среди поредевших садков и левад безмолвно грустили по мужским голосам беленькие, обветшалые хаты Кохановки, тая за своими стенами трепетные надежды истомленных войной людей. Не раз Павел мысленно уже ходил по тенистым улицам родного села, вслушивался в задорную петушиную перебранку, ленивый скрип калиток, вдыхал знакомые, сладко тревожащие дремотные запахи поля, протравленного зерна, свежей краски на селяках, пряные ароматы зацветших садков, настоянные на соловьиных песнях! И взволнованно здоровался с древним ветряком на околице, радовался благодатной тишине, неподвластной больше ни свисту бомб, ни раскатистым залпам орудий. Мнились Павлу теплые и чуткие руки Тодоски, той самой золотоволосой Тоси, которая утопила в своих бездонно-серых, с золотистыми искорками глазах тяжкую тоску по Насте, вышедшей замуж за Сашу Черных. И почему-то встреча с Настей мнилась Павлу. Какой же будет эта встреча?..

Но теперь, видать, ничего не будет... Всегда теплившаяся в нем надежда разминуться в бою со смертью сегодня почему-то оставила Павла. И он, придавленный смутным предчувствием, перечитал написанные им еще у Волги на тетрадном листе знакомые строки: «Если погибну в бою за Родину, прошу считать меня коммунистом»,— аккуратно сложил поблекший от времени листок и спрятал его в нагрудный карман, а затем принялся заколачивать в рыхлый бруствер окопа колышки-ограничители, чтобы ночью можно было точно стрелять из пулемета по шоссейной дороге и по холму, что замер напротив в таинственной тишине.

Как только стало смеркаться, рядом за шоссейной дорогой, на покрытом виноградником холме, вдруг послышались бравурные звуки оркестра. Вскоре гром меди умолк, и донесся басовитый голос:

— Вы слухали марш русской освободительной армии!

Павел, высунувшись из окопа, напряженно ощупывал глазами виноградник, стараясь угадать, в каком месте засели власовцы. Ему стало особенно горько оттого, что голос, судя по произношению, принадлежал украинцу. Хотелось влепить туда добрую порцию пуль. А власовец между тем продолжал:

— Граждане красноармейцы, распрабогаматы!.. Чего вас занесло в Австрию?! Чего вы тут не бачили?! А колы уже пришли, так присоединяйтесь к нам. Окроме этого, вам больше ничего не остается. Только смерть, бо вы со всех сторон обложены, как волки!..

У Павла перехватило дыхание от неожиданности. Он узнал голос... Среди тысячи голосов узнал бы его! Это Саша Черных... Его бас!

Даже не опомнился Павел, как руки прикипели к рукояткам пулемета, и он наугад полоснул по холму пулеметной очередью.

— Чего палишь в белый свет?! — заорал с противоположного холма тот же знакомый голос.— Тебе дело предлагают! Или не знаешь, дурень, что нам на подмогу идет американская армия?.. Она вам покажет кузькину мать!

— Черных!.. Сука! — с лютостью завопил Павел.— Забудь про Кохановку! Удавлю своими руками, как собаку!

На некоторое время воцарилась тишина. Все, кто услышал голос Павла Ярчука,— по ту и эту стороны дороги — замерли в недоумении. Потом снова донесся бас:

— Ты кто?! Назови хвамилию!

В этот раз Павел заметил, где шевельнулся на холме виноградник, и, снова прильнув к пулемету, нажал на спуск. Стрелял, пока не кончилась лента, вкладывая в пулеметный огонь всю ненависть к предателю, которая так больно и неожиданно обожгла сердце.

Как только смолк пулемет, где-то за холмом послышались частые хлопки минометов и вечереющее небо завыло зловещими голосами железа. Начался бой...

Не оправдались мрачные предчувствия сержанта Павла Ярчука. Наше командование в начале боя бросило на помощь окруженным большую группу танков с автоматчиками на броне. И бой сложился не в пользу врага. К утру все близлежащие холмы были очищены от гитлеровцев, а по шоссейной дороге с веселой и привычной торопливостью загромыхали колонны наших танков, машин, по обочинам мелким перебором застучали конные обозы.

Павел Ярчук с разрешения командира роты задержался в местах ночного боя. Он пропустил мимо себя колонну пленных, с гневным нетерпением всматриваясь в их лица. Но Саши Черных среди пленных не было. Тогда Павел решил присоединиться к солдатам похоронной команды, чтобы осмотреть убитых. И в это время набрел на полковой медпункт.

...Черных лежал на носилках под влажным ореховым кустом. Павел узнал его сразу — длинного, черноволосого, с загрубевшим красивым лицом, сквозь каштановую смуглость которого проступала синеватая бледность. Но почему он одет в нашу форму?.. Гимнастерка с погонами и комсомольским значком на груди, хлопчатобумажные диагоналевые брюки; лишь сапоги с короткими кирзовыми голенищами немецкого образца.

Глаза Саши были закрыты. И только вздрагивающие, налитые синевой, вздутые веки, искривленные в мучительной гримасе запекшиеся губы да редко вздымающаяся грудь, запеленатая под распоротой гимнастеркой в свежие, страшно кровоточащие бинты, свидетельствовали, что в этом неподвижном человеке еще тлела жизнь.

Павел постоял над ним, испытывая смешанное чувство горестного недоумения, отвращения и жалости, затем подошел к брезентовой палатке с откинутым пологом. Остановил выбежавшую оттуда медсестру — быстроглазую коротышку — и, указав на носилки, где лежал Черных, спросил:

— Оперировали?

— Безнадежный,— скороговоркой ответила медсестра, сочувственно стрельнув глазами в лицо Павла. Потом спохватилась: — Это ваш?

— Нет...— поспешно мотнул головой Павел.

затем, будто оправдываясь, невесело сказал: — Землячок мой.

Медсестра не придала значения интонациям голоса Павла и оживленно ответила:

— А мы подозревали, что переодетый власовец. Ни единого документа!..

— Сестра-а,— послышался в это время стонущий голос Черных.— Сестра-а, морфию-ю...

— Сейчас, миленький! — Медсестра нырнула под полог палатки и тут же выбежала со шприцем в руках.

Пока девушка вводила в руку Черных морфий, Павел стоял рядом и ежился под его мутным, горячечным взглядом.

Медсестра убежала, и Саша, собравшись с силами, заговорил вяло, безразлично:

— Я узнал вчера твой голос... И вот не помираю, жду тебя... А держаться нет больше мочи...

— Зачем ждешь? — с гадливой жалостью спросил Павел.

— Окажи милость, Павел Платонович... Забудь, что ты встречал меня... Забудь, прошу... Чтоб ни одна живая душа в Кохановке не узнала...

— А тебе не одинаково?.. Все равно...— хотел сказать «подохнешь», но умолк, сдерживая гневную дрожь в теле.

— Знаю, что не жилец, поэтому и прошу... Пожалей Настю, дочку малолетнюю пожалей...

— А ты помнил о жалости, когда стрелял по своим? — с раскалившимся ожесточением спросил Павел.— Думал, сколько слез и крови прольют твои пули?.. О Насте и дочке своей думал? Как им теперь жить на белом свете с твоей фамилией, а дочке еще и с твоей собачьей кровью?..

Саша закрыл глаза, и страшная гримаса исказила его лицо — то ли смертельные раны окунули тело в пучину страданий, то ли так больно ужалили слова земляка. А Павел не знал, что ему делать дальше.

Не открывая глаз, Саша вновь заговорил:

— Дай сказать, Павел Платонович... Последние минуты держусь.

— Говори!

— Под Харьковом я в плен попал. Потом лагерь... Жить хотелось. Да и поверил немцам, что их верх будет... А тут старая трещина в сердце... Помнишь, из училища за отца вышвырнули?.. Не мало таких, с трещинами в сердце, среди наших пленных оказалось. Узнали немцы, кто обижен Советской властью, в отдельный лагерь переселили... Каждый день мозги вправляли. А потом генерал Власов приехал... Многие и поверили ему, подломили колени...

— Брешешь! — тихо сказал Павел.— Из Кохановки ты один такой! Вот Степан Григоренко ни за что в тюрьме сидел, а пришли фашисты — стал партизанским командиром... А я?.. Тоже вроде обиженный, но и в мыслях такой подлости не держал. Видишь?! — Павел размашисто провел рукой по груди, где на гимнастерке тускло поблескивали две медали.

Павел умолк, заметив, как из закрытых Сашиных глаз покатились к хрящеватым ушам крупные слезинки и как заходил под гусиной кожей на горле выпуклый кадык. Почему-то подумалось, что он второй раз видит слезы Саши Черных. Впервые Саша плакал при нем, когда их обоих в тридцать седьмом отчислили из военного училища: Павла — за репрессированных родственников, Сашу — за отца, которого в гражданскую войну петлюровцы на неделю угоняли со своим обозом.

— Зачем добиваешь? Сам подохну.— Саша открыл глаза, мутные, отчужденные, кажется, ничего не видящие.— Многие Ежова и те годы, когда людей ни за что мордовали, проклинают...

— Ах, дядя виноват?! — в трепетном исступлении переспросил Павел.— Обидели тебя?.. И ты ищешь правду у фашистов?.. Эх, вошь ты тифозная...

Черных молчал, уставив неподвижные глаза в листву орешника, сквозь которую просвечивалось мягко-голубое небо. Его восковые руки, большие, как кувалды, беспокойно шевелили цепкими, узловатыми пальцами. Еще вчера или сегодня на рассвете эти ручищи держали черный, из крупповской стали автомат...

Павел брезгливо отвернулся и, ощущая, как в сердце жжет распылавшийся уголек, с ожесточением зашагал к дороге, где нескончаемым потоком двигались на запад войска.

Опасная сторона

Леонид ХАУСТОВ

Поэма

При артобстреле эта сторона наиболее опасна.

Надпись на стенах в осажденном Ленинграде.

Иду по улицам знакомым,
Тех дней приметы узнаю,
Стою у памятного дома,
С душою замершей стою.

И на стене его неясно
Мне надпись давняя видна
О том, что более опасной
Была вот эта сторона.

* * *

О моя Беатриче
Из десятого класса!
Я в любви к тебе вечной
Не успею поклясться.

О моя Беатриче
С тяжеленным портфелем!
Только капельку счастья
Мы с тобою разделим.

О моя Беатриче
Стороны Петроградской!
Полны белые ночи
Нерастраченной лаской.

Полны юные липы
Нерастраченной силой.
Вслед глядели мальчишки,
Если ты проходила.

Ты умела, ступая,
Земли не касаться,
О моя Беатриче
Из десятого класса!..

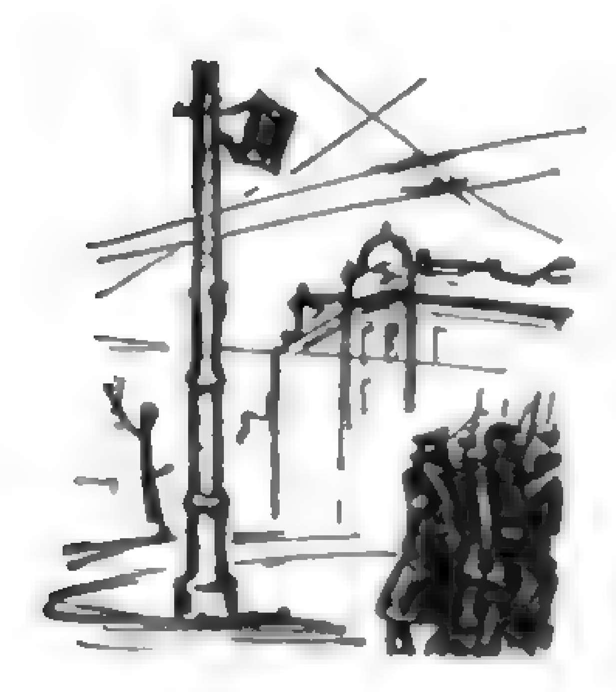
Эти старые плиты
Под асфальтом укрыты,
Возмужавшие липы
Белым цветом облиты.

Они каждой весною
Свои листья меняют,
А седые мальчишки
Все тебя вспоминают.

* * *

Про Данте зная понаслышке,
Я не жалел о том ничуть
И взял в читальном зале книжку,
Чтоб на экзамене блеснуть.
Ее мне с тем условьем дали,
Что в понедельник принесу.
Ах, как мы бешено читали,
Когда экзамен на носу!..
По институтским коридорам
Бегу, своей удаче рад:
Алеет книжка коленкором,
Где черным выдавлено «Ад».
И предвкушаю я заране,
Что «Ад» освоен будет весь:
Ведь только он стоит в программе,

Хотя и «Рай» у Данте есть,
И этот самый «Ад» до корки
Прочту я всем чертям на зло,
А в результате — быть пятерке.
Мне адски с «Адом» повезло!
Я шел к Марине. Мы сидели
На подоконнике опять,
Перед разлукой на неделю
Не в силах были рук разнять.
И, загораясь и сгорая,
На этаже своем шестом
Мы, став хозяевами рая,
Совсем не помнили о том,
Что рядом с нами был раскрытый
И весь бореньями объят,
Туманным пламенем повитый,
Такой далекий Дантов «Ад».

* * *

В воскресный день у стадиона
Стояла очередь с утра,
И знали все определенно,
Что будет вечером игра.
Плечом вжимаясь в чью-то спину,
Притиснут к поручням перил,
Я за терциною терцину,
Сверяясь с книгою, зубрил.
Нева, тускнея, штилевала.
Жарою начало томить.
Меня давно уж подмывало
Пойти Марине позвонить.
Услышать голос, замирая,
Сказать, что я и тут зубрю,
Спросить в который раз: «Ты знаешь,
Как я тебя сейчас люблю!?»
Но только звякнула монета,
Как чье-то «Тсс!..». И тишина.
А репродуктор над буфетом:
«Война, товарищи! Война».
И люди на него глядели,
Как будто что-то видя в нем,
И прямо в лица им летели
Слова, одетые огнем.
И надо ж было этой книжке,
Что я обязан был беречь,
Скользнуть легонько из-под мышки
И на щербатый мрамор лечь!
За этим столиком тоскливо
Сидел, глаза уставя вниз,
Над непочатой кружкой пива
Немолодой артиллерист.
Он сразу вздрогнул, оттого что
Увидел книгу средь стола.
И вот багровая обложка
В его сознанье поплыла.
И шрам, видневшийся на шее —
Хасан иль финские бои,—
Стал вдруг бледнее, стал виднее,
Как будто мелом провели.
И, снова слыша грохот боя,
Он поднялся во весь свой рост
И поднял кружку пред собою,
Как бы обдумывая тост.
И в то слепящее мгновенье
На счастье, черт возьми, свое
В каком-то горьком откровенье
О столик грохнул он ее!
Она рванула, как граната,
Осколками засыпав пол.
Как будто это так и надо —
Никто и бровью не повел.
Мне тесен стал рубашки ворот.
В дверях споткнувшись, как слепой,
Про все забыв, я вышел в город,
Уже крещен его судьбой.
Часы над аркою почтамта.
Час первый зрелости моей.
А мной потерянного Данте
Я вспомнил через много дней.

* * *

Шаг патрулей в ночах тревожных,
На лица изморозь легла.
Уже в чехле, как сабля в ножнах,
Адмиралтейская игла.
Был хлеб уже всего дороже,
Пошла уже дуранда в ход.
Кончался в ярости бомбежек
Тяжелый сорок первый год.
Блокада. Я в полку пожарном,
Теперь казарма мне как дом.
С утра тушили на Дегтярном,
Сейчас на Каменный пойдем.
Огонь вселяется в квартиры,
Ему войною ордер дан.
Я, если мог, спасал картины:
Вдруг Репин или Левитан!
Я шел вперед к огню в объятья,
И он метался, как лиса.
И тут же чьим-то летним платьем
Я копоть вытирал с лица.
И снова вскакивал с матраца,
Вновь по тревоге в строй бежал.
Горели склады декораций —
Вот это, знаете, пожар!
А как-то наше отделенье
Тушило ватный склад в порту.
Там не было огня, лишь тленье
Да смрад, что слышен за версту.
Так припекало нам подошвы,
Так ел глаза горячий чад,
Что командир, пожарник дошлый,
И тот сказал: «Вот это ад!»

Лишь только сна часы желанны
И голодуха тяжела.
И вот однажды с вестью странной
Меня сокурсница нашла.
О госэкзаменах решенье.
Нас выпустят в кратчайший срок.
Ко мне какое отношенье
Имеет это — я не мог
Понять никак. Девчата — ладно,
Куда ни шло, но я ж боец.
И, выслушав ее прохладно,
В сердцах добавил под конец:
«Плевать! Наверно, все забылось,
А дней на подготовку нет...»
«Каким ты стал, скажи на милость!»—
Она мне бросила в ответ.

Зенитки дальние палили,
Стучал над ухом метроном,
А я лежал, и мысли были
Все об одном, все об одном:
А почему я не согласен?
Да разве не мечталось мне
Однажды появиться в классе
В настороженной тишине,
Чтобы учить ребят дорогам,
Стихам и звездам, красоте
И стать для них немножко богом?
Так, стало быть, конец мечте?

Мы госэкзамены сдавали,
Робея, шли в парадный зал,
И вместе с паром уплывали
Слова, которые сказал.
Комиссия, грозна, сидела,
Уже продрогшая давно.
Как озимь в инее, седело
Стола зеленое сукно.
Профессора мои! С волненьем
Вас поименно перечту.
Спасибо не за снисхожденье,
А за спасенную мечту.

Как это каждому знакомо,
Осталось мне, сбиваясь с ног,
Для получения диплома
Отметить обходной листок.
А в нем графа — библиотека.
Читальный зал, давно пустой.
Угрюмый бронзовый Сенека,
Совсем от инея седой.
А груда книжек обгорелых
Печально высилась в углу,
И только два окошка целых
Ноябрьскую цедили мглу.
Библиотекарша на голос
Из задней комнаты пришла,
И пирамиду книг тяжелых
Она из рук моих взяла.
И с ватником горжетки соболь
В противоречье явном был,
А мне запомнились особо
Перчатки с пятнами чернил.
С десяток вычеркнув названий
И вскинув удивленный взгляд,
Она сказала: «Но за вами
Еще записан Данте. «Ад».
И, быстро про себя решая,
Что делать, я забормотал:
«Такая книжка, небольшая...
Была как будто... да, читал...»
«Так где ж она?
Нелепый случай...»
«Она потеряна. Как быть?
И я готов другою, лучшей
Ее сейчас же заменить.
Что вам потеря этой книжки,
Когда пылают города!»
«Не смейте думать так, мальчишка!
Вы принесете Данте! Да?»
Где разыщу я книгу эту,
Чтоб завтра положить на стол?
И я решил пойти к поэту,
Который Данте перевел.

* * *

Он сам открыл мне вход парадный,
И я запомнил навсегда
Пожатие руки прохладной
И жест его — прошу сюда!
Седеющий, худой, высокий,
В доху тяжелую одет,
Такой спокойно-одинокий
Передо мной стоял поэт.
Поэт, который русским словом
Нам слово Данте передал.
Он даже профилем суровым
Похож был на оригинал.
Коптилка огоньком дрожала
На письменном его столе,
Где муфта дамская лежала,
Чтоб руки греть в ее тепле.
«Так чем могу быть вам полезен? —
Был голос низким и глухим.—
Мы в филологию полезем
Иль, может быть, стихом взорлим?
Вы не смущайтесь. Так какая
Нужда вас привела ко мне?»
Я, от волненья заикаясь,
Поведал о своей вине.
«Ну что ж, бывает, понимаю.
Сейчас отыщем экземпляр».
И вот в ладонях я сжимаю
Обложки ледяной пожар.
В своем неловком положенье,
Не поднимая головы,
Его спросил из уваженья:
«Над чем работаете вы?»
И в Ленинграде осажденном,
Объятом бурей мировой,
Так просто, так непринужденно,
Но с поднятою головой
Смотреть себе повелевая
Туда — за смертную межу,
Сказал он, папку раскрывая:
«Теперь я «Рай» перевожу».

И в крошеве метели белом
Лучом прожектор небо стриг.
Я шел и думал под обстрелом:
«Какой божественный старик!»

* * *

Мороз бесчинствует, крепчая,
Мы с ним заклятые враги.
Все чаще в городе встречаю
Тел заметенных бугорки.
А я курсант. Занятья в поле:
«Ложись — беги! Ложись — беги!»
Ты жив еще и тем доволен,
Что не обмотки — сапоги.
И... фронт. Сожженная Дубровка.
Апрель. Стеклянный звон шуги.
А через бруствериую бровку
Мои пудовые шаги.
В сибирский город с костылями
Доставлен я из-подо Мги.
Я познакомился с тылами,
С седою заметью тайги.
Открытка матери Мариши:
«Убита. Память береги!»
Мне говорят, а я не слышу,
Пылает солнце — и ни зги.
Мне в уши ветер злой и хлесткий,
Как стон далекий: «Помоги-и-и!»
И радио на перекрестке
В мои колотится мозги.
И «Смерть немецким оккупантам!»
И завыванье пурги,—
Тут поневоле вспомнишь Данте,
Идя сквозь адовы круги.

* * *

Читать стихи в библиотеку
Пошел я нынешней весной.
И снова — бронзовый Сенека
И зал, звучащий тишиной.
И, нас напоминая чем-то,
Сжимая вечное перо,
Склонялись новые студенты
К томам Вольтера и Дидро.
А я зарниц военных сполох
В сознанье сразу воскресил,
И подойти к одной из полок
Я разрешенья попросил.
И вот поэта вспоминая,
Творившего, презрев беду,
На полке с «Адом» книгу «Рая»
Увидел я в одном ряду.
Я был у Случая во власти,
От пули падал на бегу.
Спроси меня: «А был ты счастлив?»
И, все пройдя, сказать могу:
Да, было счастьем дней кипучих:
И подоконник на заре,
И встречи с лучшими из лучших,
И тот экзамен в ноябре,
И залп блокадного салюта,
И вздох из тысячи грудей —
Вся жизнь, замешанная круто,
В неповторимости своей;
Иду, а город этот вечный,
Его обветренный гранит
Со мной, как друг чистосердечный,
Все понимая, говорит.
Здесь ласковым теплом облиты,
Притягивая солнца свет,
На тротуар роняют липы
Пушистый свой медвяный цвет.
Стою у надписи неясной,
Что сохранила нам стена,
Уже не веря, что опасной
Была вот эта сторона.
Но знаю: здесь тебя убило,
Взрывной ударило волной.
Ты, верно, солнце так любила,
Что шла опасной стороной.
Неосторожность? Слишком просто.
Несчастный случай? Трижды нет!
Не робость в нас, а смелых поступь
Рождалась в громе этих лет.
От школьницы до космонавта,
Мечтою движимы одной,
Мы шли в сегодняшнее завтра
Небезопасной стороной!

Ленинград.

Вот она, «наша» лодка и ее командир, капитан III ранга Алексей Михайлович Ганкель. Коренной ленинградец, из династии питерских рабочих.

Невыдуманная романтика

Л. ГОРОВА,
Д. УХТОМСКИЙ

Бесконечная полярная ночь. Угрюмые заснеженные скалы. В темной, тяжелой воде отражаются разноцветные огни. У берега, прижавшись бортами друг к другу, дремлют огромные, похожие на фантастических морских чудовищ подводные корабли — грозные стражи северных рубежей.

Мы на базе подводных лодок.

Адмирал, узнав о цели нашего приезда, сказал:

— Опоздали вы. Такой штормище был! Вот поглядели бы, как нам достается! Хорошо. Припишем вас к одной из лодок. Сходите в море...

С кораблем знакомит нас инженер-механик Олег Юрьевич Анисимов. Он хозяин сотни сложных механизмов.

— Удивляют меня ваши коллеги-журналисты. Как попадут на корабль, обязательно подавай им «экзотику». Чтобы была авария, чтобы люди жизнью рисковали, зажимали руками горячие трубы или опускались за борт в ледяную воду. А разве только в этом героика? По-моему, подводники тогда герои, когда на лодке все в полном порядке и никаких ЧП! Вот это и есть невыдуманная романтика нашей профессии.

Лодка готовится к походу. Завтра — в море.

Поход — непрерывное учение. А ЧП мы все-таки увидели, правда, организованное специально.

...Вспыхивает слепящее пламя. Все заволакивает едкий дым. Пожар! Трюмный Михаил Алимов уверенными движениями разворачивает шланг. Электрик Николай Тарасов срывает со стены огнетушитель, и шипящая пена вступает в поединок с огнем.

А в соседнем отсеке их товарищи ведут сражение с водой. В борту пробоина! С силой хлещет мощная водяная струя. Матрос, держа перед собой брезентовую подушку, бросается на пробоину. Подтаскивают тяжелую балку. Раздаются удары деревянных кувалд. Балка заклинена, пробоина закрыта...

Пока это только ежедневные тренировки «по борьбе за живучесть корабля». Подводник должен быть готов к любой случайности.

«Срочное погружение!» В отличие от всех остальных маневров оно производится почти без единой команды. Вот на панелях центрального поста замелькали огоньки сигналов. Стрелка глубиномера резко отклоняется от нуля. Лодка уходит под воду. Тишина. Ходить, стучать, даже громко разговаривать нельзя: услышит «противник».

Теперь из всех сообщений, несущихся по переговорным трубам и трансляции, самые важные поступают от гидроакустика. От его умения слушать море, различать среди многих шумов звук, идущий от корабля «противника», зависит успешное выполнение боевого задания: обнаружить и атаковать «врага».

— По пеленгу 30 градусов слышу шум винтов! — докладывает гидроакустик Александр Дверцов.

И в то же мгновение включается ревун — сигнал: «Боевая тревога! Торпедная атака!».

Торпедная атака — прежде всего точный математический расчет. Командир должен в какую-то долю секунды осмыслить поток цифр и из множества вариантов выбрать один-единственный — верный. Гидроакустик, штурман, старпом и торпедный электрик перебрасываются с командиром короткими фразами. Их разговор напоминает цифровой шифр.

— Пеленг сорок... Скорость двадцать четыре... Курсовой двадцать пять...

— Торпедные аппараты, «товсь»!

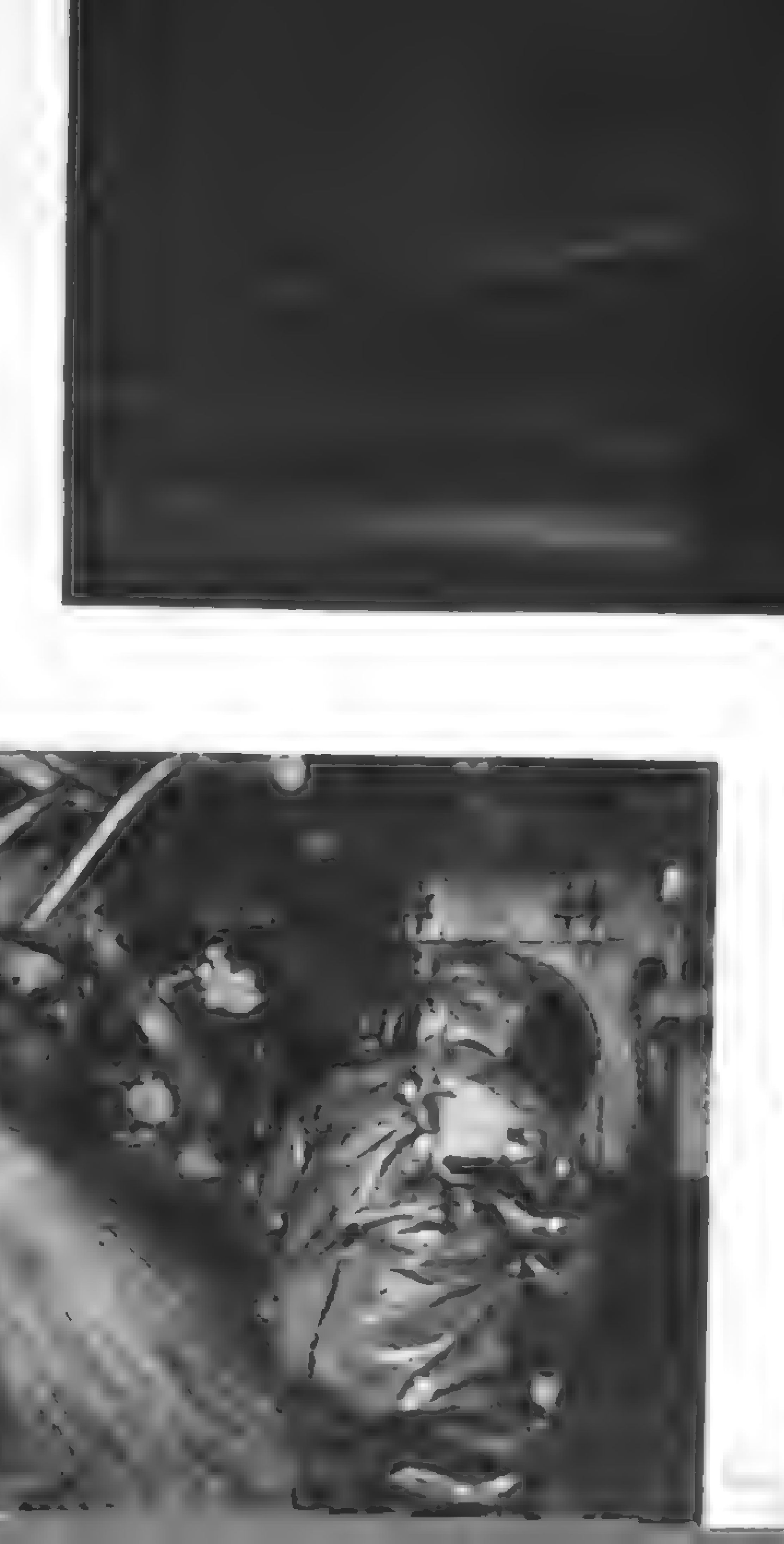
Наступает решающая минута. Командир все так же нетороплив, спокоен.

— Аппараты, пли!

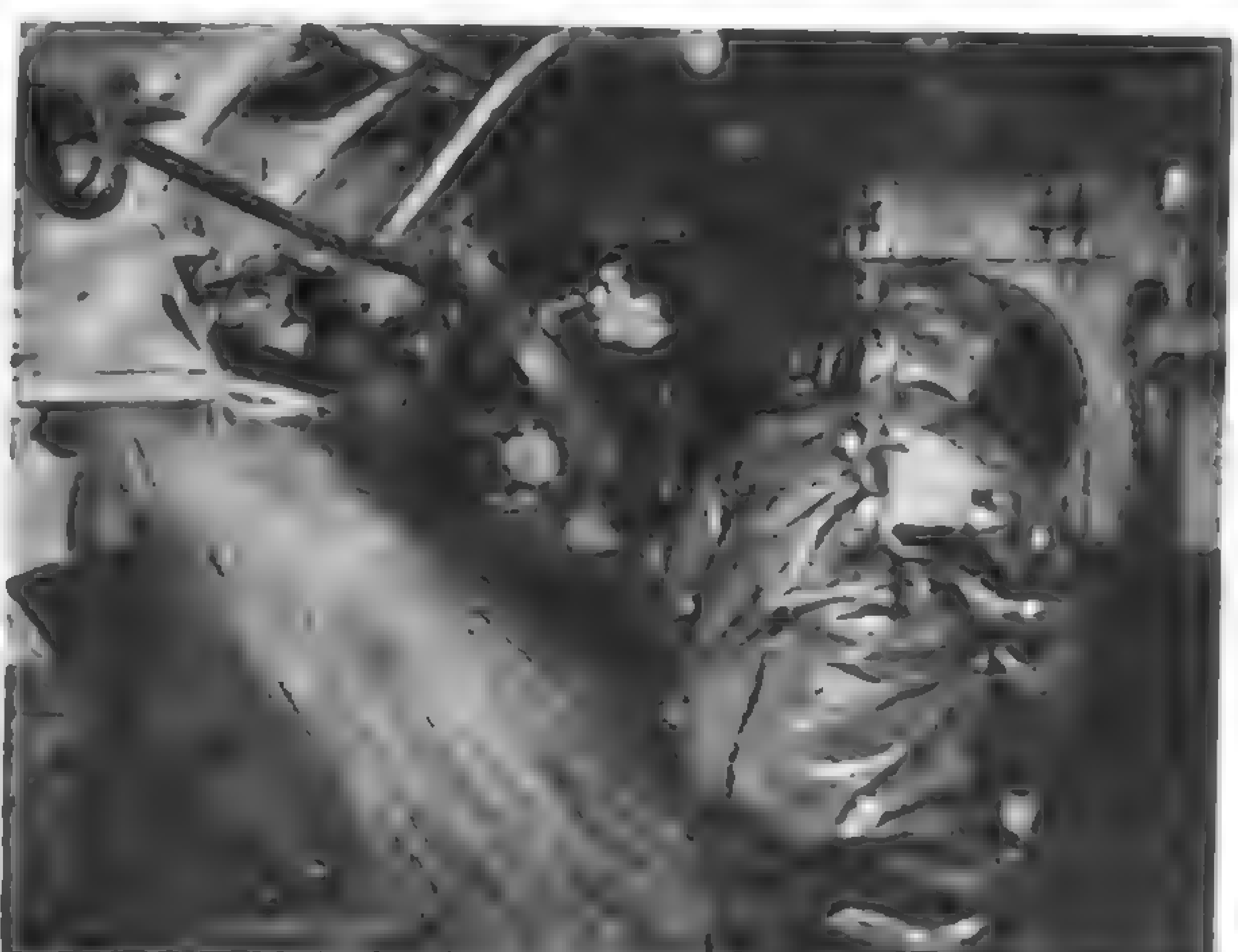
В торпедном отсеке торпедист Петр Дрягин рванул на себя блестящую металлическую рукоятку.

— Торпеды вышли к цели.

Учебные стрельбы закончены. Лодка всплывает и ложится на обратный курс.

Надя Андриянова: «Из этого получится красивая ткань!» ▶

Ровесники

Фото А. УЗЛЯНА и Е. УМНОВА.

Гигантский пролет залит мягким светом люминесцентных ламп. Неподалеку от крутильных машин — автобус с надписью «Техническая лаборатория». Крутильный участок — один из самых маленьких на прядильной фабрике комбината, но и здесь этот автобус выглядит не более внушительным, чем суфлерская будка на сцене Большого театра. Кстати, сам цех очень напоминает всем своим видом и изяществом отделки зал современного театра. Полы покрыты слоем синтетической эмульсии, очень прочной и приятного бежевого цвета. Звука шагов почти не слышно. Да и пыль тут не задерживается: ее ловко «слизывают» мощные кондиционеры. Они же создают искусственный климат в цехах. Какая бы погода ни была на улице, внутри помещений поддерживаются строго заданная температура и влажность воздуха.

Мы на новом комбинате. Он вырос на юго-восточной окраине города Иванова. Здесь перерабатывают продукты большой химии, выпускают ткани из смеси натуральной шерсти с синтетическим волокном. И весьма знаменательно, что ключи от цехов строители передали текстильщикам в день открытия декабрьского Пленума ЦК КПСС.

Это — предприятие молодых. Средний возраст работающих тут — 23 года. Начиная от рядовой ткачихи и кончая директором, инженером Альбертом Михайловичем Парамоновым — все молоды. Вы их видите на цветной вкладке, юных хозяев комбината-дворца. Весело шагают по залитому светом цеху Валентина Батакова, Алла Трофимова, Валентина Гришина, Борис Мартынов, их ровесники, товарищи по труду.

...Мы были свидетелями того, как молодой инженер, начальник цеха Борис Каменский, выговаривал такой же молодой, как и он сам, работнице:

— М-да... Тапки у тебя не первой чистоты. Да еще и руки в масле... Этак мы свою фабрику через неделю не узнаем...

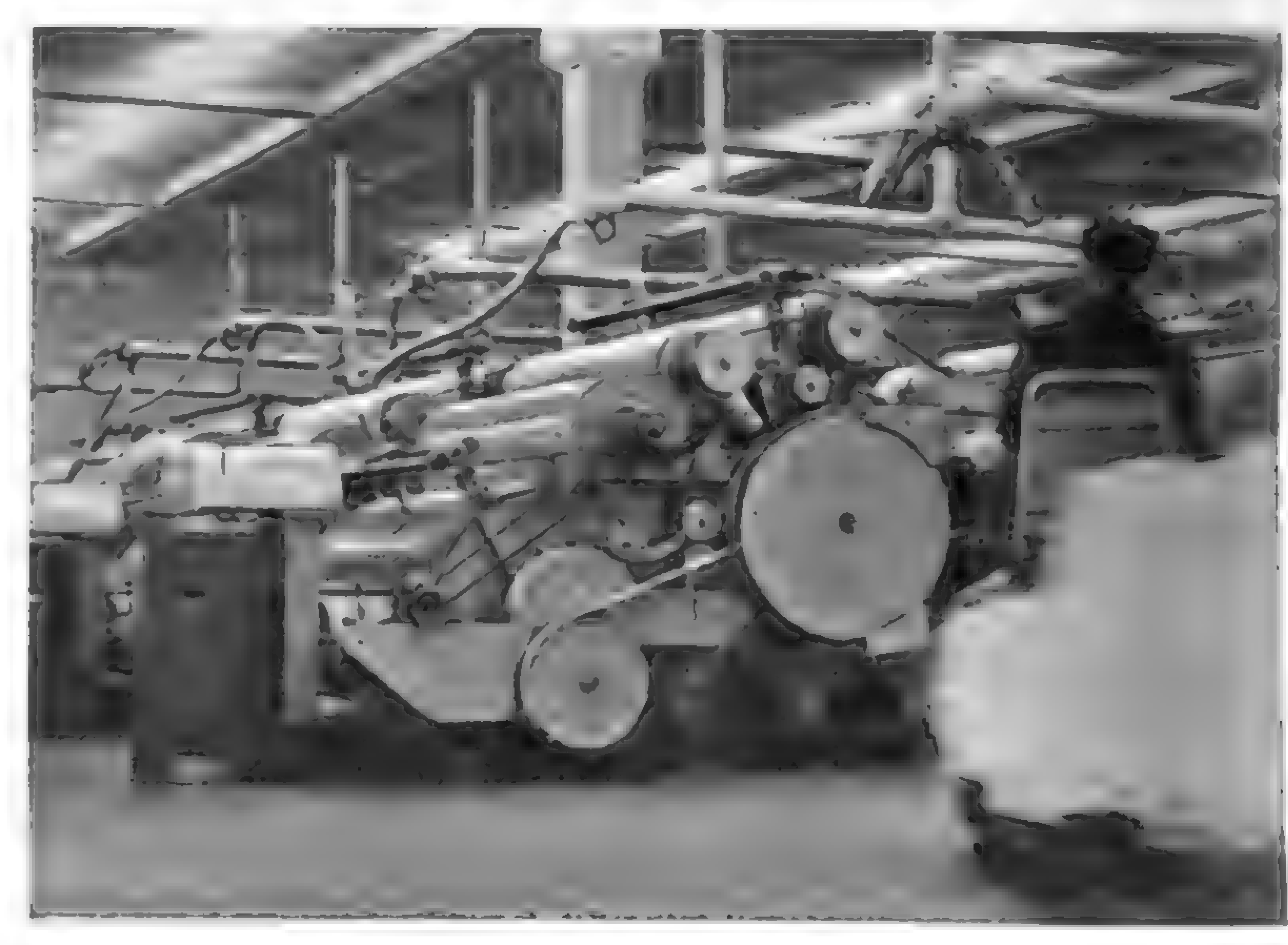
С первых дней работы решили: комбинат должен остаться таким же солнечно-ярким, веселым и через год, и через пять, и через двадцать лет.

На комбинате все должно быть красивым. Создатели новых тканей попросили дирекцию сшить им удобные рабочие костюмы. Костюмы получились не только удобные, но и изящные. У чесальщиков — одного цвета, у прядильщиков — другого, у ткачей — третьего.

Молодежь любит свой комбинат, гордится им: «Вон какая техника у нас!» Но чтобы эти машины работали безотказно, нужно многое знать. Вот и порешили: пусть станет законом — учиться самому и учить других. Внешне порой учителя не отличишь от ученика: оба в одинаковых куртках, оба розовощеки и любознательны. Ровесники! Ну как отличить, скажем, инструктора прядильного дела Алю Ростову от окруживших ее девчат? Они почти одногодки. Но с каким вниманием слушают работницы свою наставницу!

Нам рассказали, что среди камвольщиков каждый пятый имеет диплом инженера или техника! А кое-кто из них стремится и глубже познать уникальное оборудование: после техникума стали за станки. Правильной дорогой идет молодежь!..

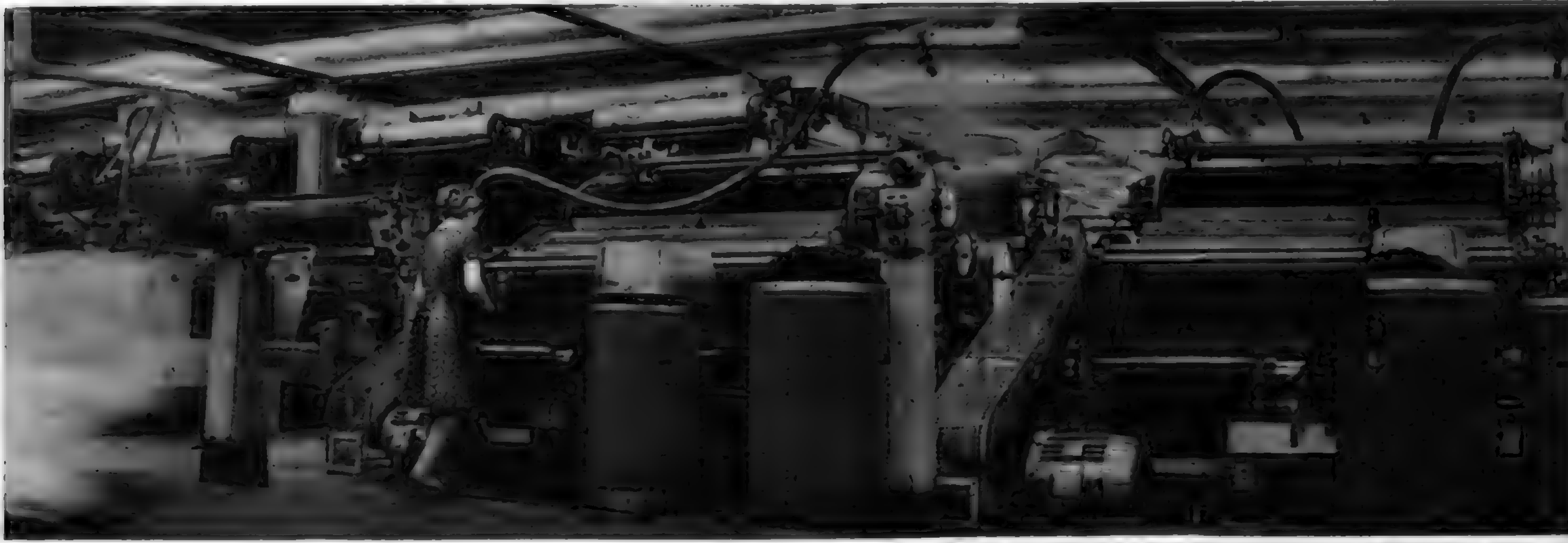
Л. ГУЩИН, А. СМИРНОВ,
сотрудники газеты
«Рабочий край», г. Иваново.

Современный цех: много машин, мало людей.

Мастер Игорь Главин проводит с лаборантками анализ химических волокон. ▶

НА ЦВЕТНОЙ ВКЛАДКЕ: Идет новая смена.

И на этот раз у них ничего не вышло: я просыпаюсь и остаюсь в живых. Надо мной соломенная крыша, прошитая иглами солнечных лучей. Тонкие светлые нити связали стреху с венцом, и по одной из них спускается мохнатый плюшевый шмель...

Я слышу, как сыплются с неба взбалмошные стрижи и у ворот деловито поскрипывает деревянной ногой колодезный журавль. И теперь я знаю, что спасен, а те, кто стрелял, отстали на целый день и, может, только ночью снова настигнут меня. Но за день я могу очень далеко уйти от них, и еще неизвестно, как обернется дело...

Все просыпаются по-разному. Я выхожу из окружения и вижу над собой потолок, который больше не сотрясается от разрывов. Дышится легко, но чувство тревоги еще не погасло. Я начинаю ловить летящие откуда-то точки и тире. Посвист стрижей, как голос чужой рации, мешает мне разобрать далекие сигналы. Кто-то остался в ночи и взывает о помощи. Знаю: это ты!..

Я накрываю голову подушкой, настраиваюсь на волну и сквозь расстояние в двадцать лет ловлю твои позывные.

«Как меня слышишь? Прием, прием».

«Слышу хорошо! — успокаиваю я тебя, хотя едва различаю знаки.— Давай быстрее!..»

Мне очень трудно понять твою передачу, я только угадываю почерк — тот мотив, который ты выводишь, отбивая знаки на железном ключе. Я напрягаю до предела свою слуховую память. Мне надо проникнуть в микроэфир, заполненный сигналами Морзе, и отделить твою передачу от тысячи других.

Это может показаться странным, но вспоминаем же мы иногда запах весенних лугов или духи любимой женщины, которой нет рядом! И видим в какую-то долю секунды отображение предметов, закрыв глаза! Что-то остается в нас и не исчезает бесследно. А я впадаю в то состояние, когда вдруг начинаю слышать эфир. Звуковая галлюцинация или вспышка слуховой памяти — это так понятно музыкантам и... радиотелеграфистам! Но вникнуть в смысл сигналов, когда-то застрявших в ушах, мудрено. Только несколько знаков может воспроизвести память, которая засекла их в самую драматическую минуту...

Звуки земли и неба пронизывают меня насквозь — все сигнализирует о себе. Чьи-то шаги и покашливание, скрип калитки, блеяние овцы — и я вижу глухой квадрат двора, ворота, наличник окна, крыльцо в три ступеньки и даже вымощенную битым кирпичом тропинку. Мысленно выходишь за ворота, на окраину села, а потом в заливные луга, на Волгу, и видишь все, что приметилось раньше и запало в душу...

Нужно отгородить себя от того, что происходит вокруг, и начать жить памятью. Я напрягаю все свое внимание, и тонкая ниточка слуховой памяти ведет меня снова к тебе.

«Как меня слышишь? Прием, прием».

Но вот ты переходишь на открытый текст и медленно, как можно отчетливее, отбиваешь на ключе буквы: та... ти-та... тати... татита... тити...

«Танки»,— слышу я и снова ощущаю во рту горьковато-кислый привкус железа и сосущий холодок под ложечкой. Вижу, как ты сидишь у рации и, стряхивая со лба прядь коротких волос, выводишь ключом страшное слово. Если бы можно было уходить в эфир, как в воду, я бы крикнул тебе: «Ныряй!» Но я кричу в телефонную трубку:

— Танки! Танки в третьем батальоне!..

На проводе дежурный по части. Я кричу без шифра: теперь уж нечего скрывать! «Тигры» прорвались к штабу нашего батальона, выдвинутого вперед, к Секешфехервару, и все понимают, что это значит!..

Мне приказано держать с тобой непрерывную связь. Слава богу, я и без приказа не бросил бы тебя! Но как тебе помочь? Я последняя твоя надежда. Подоспеет ли помощь? И будет ли она?

Я работаю на прием, я жду от тебя новых сведений. На нашей волне путаный треск морзянок. Я держу ручку настройки приемника двумя пальцами, вращаю ее влево и вправо, уходя от помех, и боюсь потерять тоненькую черточку градуса, в которой умещается голос твоей рации. Как бы не упустить тебя, не оставить в этом буреломе сигналов!

Я включаю передатчик и прошу тебя перейти на другую волну, где потише, где нет этой свистопляски, и меняю позывные. Ты теперь зовешь меня по имени, сокращая гласные, а твой позывной — «КСН».

«Как теперь меня слышишь, Ксана?»

«Слышу хорошо,— отвечаешь ты и вдруг даешь:— СОС! СОС! СОС!»

А потом я ловлю две цифры, известные всем радистам на земле: «88»—«Целую...».

Голос твоей рации оборвался. Стрелка моего приемника застыла на тонкой черточке шкалы, и я боюсь ее сдвинуть: в этом градусе, на этой волне ты говорила со мной... Ты не должна уйти! Я стучу ключом, я зову тебя, Ксана! Я зову тебя вот уже пять минут, и кажется, что за это время проходят годы...

Я скитаюсь среди чужих голосов, как в темной пещере. Они свистят, хрипят и захлебываются, падают на лету и снова целым роем набрасываются на меня.

Где ты? Слушай мои позывные!
«Я МКС! МКС! Максим! Максим!
Как меня слышишь? Отвечай! Прием».

В свалке звуков трудно что-либо разобрать. Но я нашел бы тебя и без позывных. Я знаю твою руку, знаю голос твоей рации, как твой собственный голос. Отзовись! Слушай мои позывные!...

Но ты молчишь.

Ты молчишь уже двадцать лет. И я могу вызвать тебя лишь на какое-то мгновение, а потом ты снова пропадаешь. Так бывает, когда садятся аккумуляторы и гаснут лампы. Мне трудно удержать тебя в своей слуховой памяти. Каждый раз я снова и снова подключаю свою невидимую маленькую рацию, которая так и осталась во мне с давних пор, но заряда хватает только на несколько секунд.

Ты очень далеко, Ксана! Ты осталась где-то возле венгерского озера Балатон, и нелегко мне налаживать с тобой связь...

Слушай мои позывные

Геннадий ПАУШКИН

Рассказ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

* * *

Я откидываю одеяло. Вот он, этот плюшевый шмель! Он скользит вверх и вниз по солнечному лучу, как заводная игрушка на ниточке, и трубит в свой маленький рожок. Он привязан к этой светлой нитке, и никуда ему от нее не деться...

Мы с тобой его видели однажды. Помнишь, когда у нас на рации осталась последняя пара аккумуляторов и мы стали работать по жесткому графику? У нас образовались «окна», и в эти свободные часы мы зарывались с тобой в пахучее сено на погребке. Нас прикрывала такая же шалашовая крыша, и в просвет заглядывал лучик, поймавший однажды вот такого же шального шмеля. Он сердито дудел в свой рожок, и его басовитый гуд напоминал нам немецкого бомбардировщика, уходившего высоко под облака. Он спускался прямо на нас, этот плюшевый «юнкерс», и ты, боясь, как бы он не запутался в твоих волосах, прятала голову у меня под мышкой. Я спасал тебя от него и вдыхал сладкий запах твоих волос, отдающих медом и хвоей. И тогда кончалась война: вокруг разливалась ленивая тишина знойного деревенского полдня, и было слышно, как мягко падают яблоки в белом саду. И даже корректировщик «фокке-вульф», застрявший в небе, стонал монотонно в каком-то сонном забытьи. Ты была близко-близко, и весь огромный мир, притихнув, слушал твое ровное дыхание. Ты закрывала глаза и, обманутая зыбким покоем, видела старые сны, дорогие, как детство. Но жесткие шаги во дворе каждый раз спугивали твой сон. Ты поднимала голову, прислушивалась и прикрывала меня на случай, если кто заглянет к нам под крышу.

Я прошел тысячи верст по дорогам войны, спал на сугробах и на сквозном ветру, переплывал студеные реки, сутками сидел в сырых блиндажах, и, слава богу, ничего со мной не стряслось. Но ты стала вдруг оберегать меня от дождя и сквозняков, застегивать на все пуговицы мою гимнастерку в прохладные вечера. Я казался тебе маленьким и беспомощ-

Неожиданная удача
Фото Б. КУЗЬМИНА.

ным, и если ты не уследишь за мной, я обязательно попаду в какую-нибудь беду.

...Если бы знали об этом мои радисты! Я был для них ветераном эфира. Посмотрели бы теперь они на меня! Но перед тобой мне почему-то не было стыдно.

И в тот день, когда все кругом было покойно и тихо, чьи-то шаги вдруг насторожили тебя. Ты поднялась и, выбирая сухие травинки из спутанных волос, тревожно зашептала:

— Пора! Мне кажется, вот сейчас что-нибудь должно случиться. Целая куча радиограмм-«молний» у нас на столе. Ужас!

— Все знают,— успокаивал я тебя,— что на нашей «эрбушке» нельзя связаться с Москвой. Майор просто берет нас на испуг, чтоб мы не позабыли службу.

Но ты все-таки настояла на своем, и где-то в глубине души я чувствовал твою правоту. Начальник связи был крутой командир, требовавший от нас безусловного исполнения долга, и ничего не простил бы нам.

Но — черт побери! — он же понимает, что слабенькая батальонная рация не дотянет до Центральной, и глупо нажимать на нас ради какого-то командирского престижа! Мне надоела эта игра, она мне вымотала все нервы, и если бы не Ксана, с которой наконец мы оказались вдвоем в этой захолустной Ивановке, я бы сказал всю правду майору — и будь что будет!..

Но на всякий случай я сел за ключ и записал в журнал еще одну зряшную передачу. Центральная не ответила: просто не услышала мышиного писка моей рации,— и я выключил приемник, экономя питание. Ты взяла котелки и пошла на кухню получить наш обед. В это время прожужжал зуммер телефона. Я взял трубку и сразу отвел ее от уха. Мембрана дрожала, как лист железа под ветром, и слов нельзя было разобрать — начальник связи! Я знал все вступление наизусть и держал гремящую трубку на весу. Но когда поток электронов, взбудораженных высокой амплитудой голоса, пошел на убыль, я поднес ее к уху и стал вникать в смысл слов. До полуночи я должен был связаться с Центральной и передать все радиограммы, иначе...

Что мне оставалось делать? Я сказал: «Есть»— и положил трубку на место. До полуночи можно было жить, дышать, смотреть на Ксану, а потом все полетит к черту, я получу «на всю катушку», и наша счастливая звезда закатится. Начальника связи уже не убеждают никакие мотивы: он получил приказ свыше, к тому же, вероятно, хороший нагоняй и теперь не слезет с меня. Да, наша группа оторвалась от первого эшелона на целую область, а мы застряли здесь из-за этой проклятой «эрбушки», которая не тянет до Москвы. Зачем же тогда мощную радиостанцию отправили вперед, а меня, начальника рации, высадили здесь, в этой Ивановке, с «эрбушкой»?

Майор верил в меня, как в самого опытного радиста, а теперь?.. Если он узнает, как мы проводим эти дни с Ксаной!..

Но я не хочу об этом думать. Если действительно существует слой Хивисайда, о котором упоминается во всех пособиях для радистов, и это не вымысел досужих физиков, то он, этот слой, должен отразить мою короткую волну под углом и направить ее прямо в приемник Центральной. Говорят, таким образом можно даже связаться с Австралией. Мы попеременно с Ксаной стучим на ключе, нас не слышат, и Хивисайд не помогает нам.

— Ну? — спросила ты, вбежав с котелками в руках.

— Звонил начсвязи. Приказал сегодня во что бы то ни стало...

Не выпуская дымящихся котелков из рук, ты присела на край койки, и я увидел, как у тебя задрожали веки.

— Как чувствовала!..

— Ладно,— сказал я,— давай обедать. Семь бед — один ответ!..

Со стены, вклеенные в огромную рамку, глядели на нас пожелтевшие фотографии. Люди родились, жили в этой хате, потом разбрелись по белу свету, оставив, непонятно зачем, эти снимки, на которых трудно различить их человеческие черты. Осталась в доме одна Васильевна, которая живет в пристройке и бродит, как привидение, по двору. Наспех сколоченный стол, на котором сверкает своими металлическими ребрами наша рация, старая койка, скамья вдоль стены — вот и все, что оставалось в этой хате. И не верится, что когда-то здесь жили люди. Даже не слышно сверчка, который бы напомнил о добром времени, когда под этой крышей ели, пили, смеялись и плакали. Даже тараканы сбежали, и не пахло здесь больше настоящим человечьим жильем. Из углов тянуло мышиным пометом и пылью заброшенных чердаков.

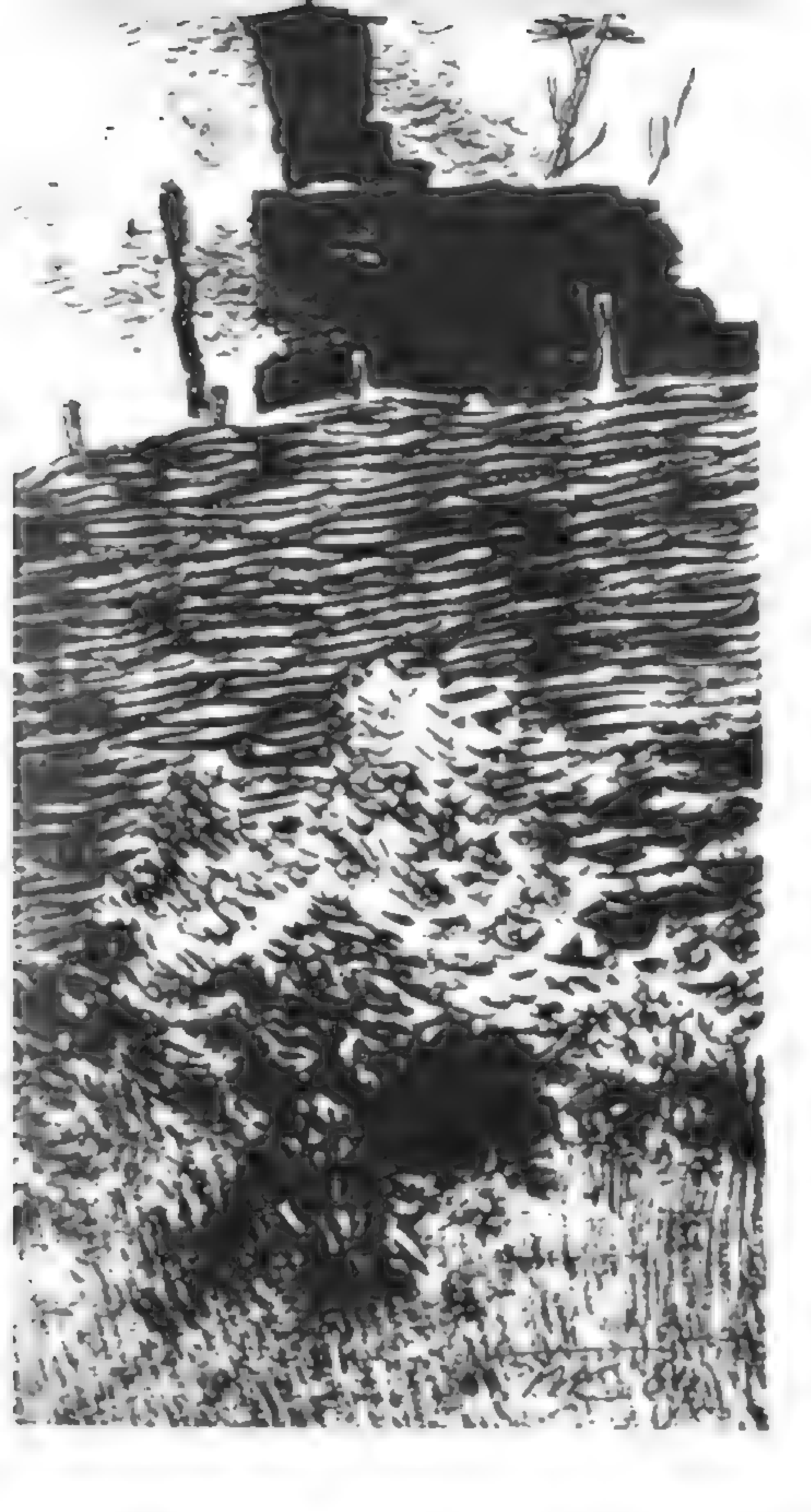
Ночью было жутко сидеть одному в этой хате. Со стены подслеповато смотрел пращур крестьянского рода, и потрескивали половицы, напоминая о тех далеких днях, когда он тяжело ступал по ним. Я не оставлял тебя одну. Сдавал тебе смену и ложился на жесткую койку, прикрывшись шинелью. Так же делала и ты...

Я снова сел за ключ. Оставалось до полуночи несколько часов. Ты не могла спокойно сидеть рядом со мной: тебя подкашивала мысль о надвигающейся развязке. Ты не верила в слой Хивисайда, не верила, что можно связаться с Москвой, не верила ни в какое чудо, думая только об одном: что будет с нами в полночь? И я уложил тебя в постель, как больную, которой надо забыться...

Когда ты спала на жесткой деревянной койке под застывшим взглядом чужого пращура, Центральная вдруг услышала меня. Я не поверил своим ушам. Я даже не записал ее ответ в журнал дежурного радиста, боясь последствий. Я снова запросил, как меня слышат. Мне ответили, что слышимость на тройку и чтобы я быстрее передавал свои «молнии». Радист Центральной был корректен и краток. Он работал точно по инструкции: три раза мой позывной, два раза свой и согласие на прием. Ни одного лишнего удара ключом, ни одного лишнего звука, как и полагается солидному работнику штаба, и я подчинился его ритму. Принимал он так же спокойно и хорошо, как и передавал. После утомительных, беспрерывных запросов, многочасового плавания в эфире моя голова звенела, как музыкальный ящик, и я даже терял равновесие на стуле. Теперь я словно проснулся: все стало ясным и простым.

У Центральной была стабильная волна, которая легко отражала все наскоки фронтовых раций, весь этот торопливый писк, и командирским баритоном, кратко она разговаривала со мной. О, как я был рад радисту, который вдруг услышал меня! Я готов был его благодарить за каждый прием, но его деловитая поступь в эфире заранее предупреждала все эмоции, и я только старался как можно четче, без излишеств работать на ключе. После каждой передачи «молнии» я посматривал на Ксану, вернее, на свою шинель, которой она накрылась с головой, и говорил: «Во!»

Не знаю, какой тебе снился сон, но он должен быть «в руку». Все получилось удивительно здорово! До полуночи оставалось добрых два часа, а радиограммы уже переданы. Я не удержался и поблагодарил радиста Централь-

ной. Он не ответил на благодарность и дал мне «ас» — «жди». Вероятно, будет ответ...

Меня подмывало схватить трубку телефона, вызвать майора и доложить ему обо всем. А потом броситься к тебе, поднять тебя на руки и пронести по этой старой хате. Но я заставил себя сидеть на месте, ждать, что мне предложит Центральная, и довести дело до победного конца. И я сидел перед своей «эрбушкой», как будто ничего не случилось, а просто идет обычная работа.

Может, действительно существует этот слой Хивисайда и он отразил, как небесное зеркало, маленький лучик моей рации и направил его в наушники штабного радиста? Но что бы там ни было, а я на коне! И мы еще заживем с тобой, Ксана! По всем фронтам идет наступление, и только поспевай теперь заводить машины...

Но вот я снова услышал свои позывные и мгновенно откликнулся на вызов Центральной.

Мне предлагали тоже «молнию». Слышимость была отличной, и я принял ее без единой ошибки. Штабной радист, завершая работу со мной, передал мне благодарность, что было для меня хорошим знаком. Я вызвал посыльного, передал ему радиограмму и только после этого подошел к койке, на которой ты спала, укрывшись с головой, спрятавшись от грозившей нам беды. Я хотел сразу же разбудить тебя, но, увидев синие круги под ресницами и глубокую складку у рта, удержался: «Пусть еще немного поспит». Дело сделано, ребяческая радость уже схлынула, доложу начальнику связи, а потом... Может, снова мы останемся вдвоем и будем попеременно стучать на ключе.

И вот я позвонил. Майор выслушал меня и тихо положил трубку.

«Не понял? Не поверил? Что еще за номер такой?!»

Через несколько минут я уловил сперва слабый, а потом нарастающий шум мотора. В пустынных улицах застрекотал мотоцикл. Стреляя выхлопной трубой, он грубо прошил ночную тишину.

В дверь, опираясь на суховатую палку, вошел начальник связи.

— Товарищ майор...

— Ну? — прервал он меня.

Из-под густого, темного навеса бровей смотрели серые недоверчивые глаза. Я доложил, что связь налажена и все радиограммы переданы.

— Журнал!

— Вот! Я все записал.

Он внимательно прочитал страницу, положил журнал на место, поднял голову и очень пристально посмотрел мне в глаза. Потом както выпрямился, подобрался и, пересиливая себя, отчетливо проговорил:

— От лица службы объявляю благодарность.

— Служу Советскому Союзу! — торжественно ответил я, как если бы стоял в строю, а не в этой заброшенной хате.

— А почему она здесь? — кивнул он на Ксану.

— Ей сейчас на смену заступать.

— Никакой смены! Будем сворачиваться. Да, кстати, пусть отправляется в третий батальон с этой рацией...

Помню твои большие, испуганные глаза, в которых не унималась тревога. Я перебирал твои волосы и говорил какие-то очень нужные слова, но ты не слушала меня. Для тебя уже не было важно, что я связался с Москвой, что все радиограммы переданы, что начсвязи объявил благодарность — такая редкость! Нет, это совсем не трогало тебя.

— Но ведь мы не расстаемся, если вдуматься. Мы будем встречаться в эфире. Я так составлю график...

— Помолчи! — прервала ты меня. — Помолчи и... иди ко мне... Ты ничего не забудешь, да? И будешь любить меня, да? И всегда будешь со мной?..

На рассвете мы свернули рацию. Я забрался в кузов машины, нагруженной кабелем и аппаратами наших телефонистов. Ты стояла у заднего борта полуторки и глядела на меня, ничего не замечая вокруг. Телефонисты посмеивались, пытались острить, но, вглядевшись, замолкали. Водителя все еще не было, и пауза становилась тягостно-неловкой. Я не отводил глаз от твоего лица и, стараясь приободрить тебя, вымучивал улыбку. Щеки твои впали, подбородок заострился, и твои большие серые глаза казались огромными.

Над Ивановкой занималась заря погожего летнего дня. Утренняя тишина впитывала, как губка, текучий рокот автомашин, выстраивающихся в колонну. И вот наконец щелкнула дверца кабины, водитель включил зажигание, и машина тронулась. Ты сделала несколько шагов, опустила руки и осталась стоять на дороге, пока мы не свернули в какой-то переулок.

Так и осталась ты у меня в глазах: одинокая фигура девушки в солдатской гимнастерке на одной из дальних дорог войны...

Потом мы встречались с тобой в эфире. Ты работала на той же самой «эрбушке», которая выручила тогда нас из беды. И мне всегда хорошо было думать об этом. Ты садилась за ключ, и я видел за десятки километров, как ты принимаешься за работу и как весело мигает индикаторная лампочка на панели передатчика, повторяя каждый удар твоего ключа.

В Румынии стояли густые, теплые ночи. Цикады разбивали тишину на мелкие колючие кусочки и звенели, как тысячи раций на одной волне. В полночь надрывно трубил ишак.

В такие часы я не мог спать и приходил на рацию, подменяя сменного радиста. И удивительно: в это неурочное время всегда заставал тебя. Тебе тоже не спалось, и ты ждала меня у приемника, хотя по графику мы не должны были бы работать в эти часы...

Так мы ехали по городам и весям чужих и дальних стран, и наши дороги нигде не пересекались. Я больше не видел тебя, Ксана, и только одинокая фигура девушки в гимнастерке осталась у меня в глазах...

* * *

Солнечная нить оборвалась и утянула сердитого шмеля. Только стрижи все так же уносили свой радостный свист в небо, упиваясь погоней за мошкарой. В тишину утра вливался густой баритон трехпалубных волжских судов да аукали в лесу тепловозы, проходя сквозь строй корабельных сосен.

Бегут дороги на восток и на запад, на север и юг. Куда-то все едут и едут люди. Сколько их на земле! А тебя все-таки нет...

Пройдет еще один день. Может, ночью я снова попаду в окружение. И если проснусь и останусь в живых, слушай мои позывные: «Ксана! Ксана! Я Максим, Максим!»

Слушай мои позывные!..

г. Казань.

Журнал говорит с читателем

Мы ничего не откроем, сказав, что у каждого журнала есть читатель, а у радиожурнала — слушатель. А можно ли слить воедино эмоции читателя и слушателя, можно ли объединить три «оружия» журналистики: печатное слово, иллюстрации и звук? Новый журнал «Кругозор», издаваемый Государственным комитетом по радиовещанию и телевидению, показал, что такой опыт не только закономерен в наше время, но и интересен.

Эмблема звукового ежемесячного журнала — перо, поставленное на пластинку, — раскрывает секрет рождения «Кругозора». Да, новейшая техника, всемогущая химия позволили услышать волнующие голоса наших современников: герои репортажей, очерков, заметок, с которыми читатель знакомится на полосах, обращаются к нему со звуковых страниц. В ювелирно тонкой резьбе гибких долгоиграющих пластинок, сброшюрованных внутри журнала, улеглись яркие события биографии страны. Но поставьте журнал на проигрыватель, и они мгновенно оживут во всем многообразии своих красок и звуков.

Говорящие страницы делают вас участником многих волнующих событий. Вы присутствуете в Большом Кремлевском дворце на июньском Пленуме ЦК КПСС и слышите отрывок из речи Никиты Сергеевича Хрущева. Вместе со скульптором Е. Вучетичем входите в дом Михаила Шолохова и слышите в чтении писателя страницы из «Тихого Дона». Композитор Арам Хачатурян приглашает вас к дирижерскому пульту, а поэт Лев Ошанин — в сибирскую тайгу на небезызвестную речку Бирюсу. Митинг на строительстве Днепрогэса, путешествие с песней-репортажем на площадки большой химии, победы хирургов в операциях на сердце, встреча Аркадия Райкина со своими земляками в Выборгском Доме культуры, яркие, задушевные песни, выступления самодеятельных коллективов — все это сливается в симфонию труда советского человека.

Итак, журнал «Кругозор» заговорил со своими читателями и слушателями. Пожелаем ему успехов!

В Центральный музей Советской Армии я прошел через служебный вход. Поэтому мне открылась картина, недоступная тысячам его посетителей.
О ней и будет рассказ.

По Невскому проспекту весной 1918 года идет 1-й конный полк Красной Армии. Впереди на коне Э. И. Кусин.

Пелагея Петровна Маркина передает музею на вечное хранение орден сына Сергея.

Генерал армии А. С. Жадов вручает отважному пулеметчику Мирзо Бабаджанову второй орден Красного Знамени.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Два человека долго рассматривали экспонаты времен гражданской войны. Один из них при этом громко что-то объяснял своему товарищу, и было нетрудно догадаться, что он сам — участник событий тех лет. Его спутник молча всматривался в фотографии, вещи, и лицо его выражало даже какое-то разочарование. Наконец он оставил своего друга и быстрым шагом направился в кабинет ученого секретаря С. Н. Рейпольского.

— Нет ли у вас экспонатов по истории первого конного полка Красной Армии? — неуверенно спросил он Серафима Николаевича.

— Кое-что есть...— так же неуверенно ответил тот и вынул из письменного стола пожелтевшую фотографию.— Только нам она не совсем понятна...

И тут произошло неожиданное: оказалось, что гость имеет прямое отношение к старой фотографии.

...По Невскому проспекту революционного Питера идет советский конный полк. Хорошо экипированные конармейцы горделиво восседают на ухоженных лошадях. Именно это — добротное обмундирование и сытые кони — вызвало когда-то недоумение у Рейпольского. Впереди всадников трепещет на ветру знамя, на котором отчетливо видны слова: «1-й конный полк Р-К Красной армии». Полк ведет молодой командир на горячем скакуне.

— Это я,— сказал гость, показывая на юного командира.— Это я...

Да, это был он, первый командир 1-го конного полка Красной Армии Эдуард Иванович Кусин, в прошлом унтер-офицер царского гвардейского полка, перешедшего на сторону народа.

Эдуард Иванович вспомнил, как в 1918 году их полк гарцевал по Невскому. Но о существовании снимка он не имел представления. Кусин передал музею личное оружие и еще две свои фотографии.

...Однажды смотрительница музея, заметив, что какой-то черноволосый мужчина обхватил руками стоящий на пьедестале пулемет, подошла к нему и строго сказала:

— Товарищ, экспонаты трогать руками воспрещается.

— Это мой пулемет! Понимаете, мой!

— Все равно...— повторила смотрительница, но потом, спохватившись, спросила: — То есть как ваш?

— Да мой! Я с ним воевал! Вот тут написано: «Мирзо Бабаджанов»...

Висевшая рядом пояснительная надпись перечисляла подвиги, совершенные пулеметчиком Мирзо Бабаджановым в годы войны.

— Придется только одну поправку внести. Здесь написано, что я награжден двумя орденами Красного Знамени. Неправильно — одним орденом...

Сотрудники музея всполошились: как так, не может быть! И выясняется: отважный пулеметчик был удостоен второго ордена Красного Знамени, когда уже выбыл из части по ранению.

— Ну что ж, второй орден вручим вам тут же, в музее,— сказали обрадованному Мирзо.

Вскоре ветеран принял орден из рук бывшего командующего армией генерала А. С. Жадова. А в музее теперь появился снимок, запечатлевший этот момент.

А вот как произошла третья встреча.

В зале висит рисунок фронтового художника старшего лейтенанта В. В. Титкова. В годы войны он запечатлел подвиг коммуниста-танкиста Маркина. Во время битвы на Волге танк Маркина подбили, а сам он был тяжело ранен. Танкисты на пронесшихся вперед машинах видели, как Маркин с трудом выбрался из танка и своей кровью написал на броне: «Я умираю. Моя Родина, партия победят!»

Рисунок музей получил с 4-го Украинского фронта.

И вот однажды в музей пришла старушка. Увидела рисунок, прочла фамилию и заплакала.

— Может, это мой так погиб... Маркина я...

Но работники музея сначала ничего не могли сказать старушке. Поисками занялась Татьяна Константиновна Никонова, старший научный сотрудник. Ей удалось узнать, что Маркина звали Сергей Сергеевич, что он действительно сын той самой старушки и что он работал на текстильной фабрике помощником мастера. Служил механиком-водителем в 207-м танковом батальоне 102-й танковой бригады 4-го танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко. В архиве выяснилось, что танкиста посмертно наградили орденом Отечественной войны 1-й степени. Награда должна была бы храниться в семье героя, но никто до сих пор не знал адреса семьи.

В день 20-летия героической смерти Маркина орден сына был вручен Пелагее Петровне. Мать оставила его на вечное хранение в музее.

СТАРЫЕ ЗНАМЕНА

Их сотни, реликвий боевой славы, пробитых осколками, окропленных кровью. Знамена хранят как святыни. Но часто, когда в каком-нибудь соединении, на заводе или в колхозе проводится вечер боевого знамени, туда бережно доставляют боевую реликвию расформированного после войны полка или бригады. Так произошло и в тот день: из одной воинской части попросили боевое знамя. И при этом уточнили:

— Хорошо бы знамя 4-го Варшавского танкового полка...

— Ну что ж, поищем!

Я. МИЛЕЦКИЙ
Фото С. ЩЕРБАКОВА.

ЗАГАДКИ ПР

Маршал Михаил Николаевич Тухачевский делает скрипку.

ОШЛОГО

И вот оно лежит на столе. Угол его обгорел. Отчетливо видны следы крови.

За знаменем приехали представители части во главе с майором С. С. Прибыловым. Все заметили, что майор, едва увидев знамя, заволновался. У него спросили, в чем дело. И майор рассказал.

Было это в сорок третьем году на Курской дуге. Прибылов служил тогда солдатом и впервые участвовал в бою. Все произошло у него на глазах. Один наш танк загорелся. Из него выскочил танкист с полыхающим знаменем в руках. В то же мгновение еще один снаряд разорвался рядом, и танкист упал на броню, прижимая знамя к груди. Тогда из другой машины, остановившейся невдалеке, бросился на помощь знаменосцу офицер. Это был агитатор полка Марк Владимирович Голубов. Он подхватил знамя и вывез раненого товарища.

— Это оно! — повторил майор.— Но я не знаю фамилии знаменосца и жив ли он.

Надежда Федоровна решила разыскать Голубова, чтобы узнать подробности спасения знамени. Ей удалось выяснить, что в Смоленске, на Красноармейской улице, в доме 26, живет подполковник Голубов. Может быть, это он! Но из Смоленска письмо вернулось обратно: адресат выбыл... Так история спасения знамени 4-го Варшавского танкового полка осталась пока неразгаданной.

Мне показали еще одно знамя, тоже хранящее неразгаданную тайну. Я расскажу и о нем в надежде, что читатели «Огонька», быть может, помогут ее раскрыть.

Это знамя прислали из Южной группы советских войск в 1947 году. На нем нет наименования части. По всей вероятности, это шефское знамя. Красное, сатиновое, с изображением Государственного герба СССР, казалось бы, ничем не примечательное. Но всмотритесь, в правом нижнем углу слова: «Храним боевые традиции капитана Овечкина». Это небывалый в истории Советских Вооруженных Сил случай, когда на знамени, пусть даже небоевом, упоминалась бы фамилия воина!

Кто же такой этот капитан Овечкин? Какой подвиг совершил он? Какова судьба капитана? Вопросы эти ждут ответа.

ПАМЯТИ ПАВШИХ

Восстановить доброе имя советских полководцев, павших жертвами произвола времен культа личности — есть и такая нелегкая задача у работников музея. Бериевские прислужники постарались изъять из музея все имевшиеся когда-то экспонаты, касавшиеся и Блюхера, и Якира, и Егорова, и Тухачевского. Пришлось восстанавливать все сначала. Но где найти даже фотографии тех времен, если не только родные, но порой и товарищи, боясь преследования, старались их уничтожить?

И все же кое-что сохранилось — у родственников, у верных друзей. Так, по крупинкам музей собрал уже немало интересных экспонатов.

Известно, что маршал Михаил Николаевич Тухачевский был знатоком музыки, хорошо играл на скрипке и любил сам мастерить инструменты. Теперь музей получил снимок: Тухачевский создает скрипку. Фото относится к тому времени, когда полководец командовал Ленинградским военным округом.

Интересную фотографию маршала Блюхера прислал из Иркутска председатель городского клуба коллекционеров Г. Померанец. Просматривая архив покойного профессора Иркутского медицинского института Василия Герасимовича Щипачева, он обнаружил весьма редкий снимок Блюхера. Василий Константинович — первый кавалер боевого ордена Красного Знамени — сфотографирован сорок лет назад с тремя орденами Красного Знамени. На фотографии личная надпись Блюхера:

«Петроград 17/III 23 г.
Глубокоуважаемому профессору
Василию Герасимовичу Щипачеву
на память о маленькой «операции» благодарный Блюхер».

Профессор оперировал полководца на фронте.

Несколько лет назад бульдозерист Н. И. Семенов, работавший на строительстве под Москвой, принес в музей шашку, которую нашел в земле во время работы. Это был стальной клинок с рукояткой из кости. Ножны поломаны, кожа порвана. Гравировка на одной стороне клинка гласила: «От рабочих и служащих Златоустовского механического завода». И на другой: «Командующему армией...» Продолжение надписи тщательно выскоблено.

Главный хранитель фонда вооружения и техники музея Александр Федотович Корнеев, предполагая, что эта шашка принадлежала маршалу Блюхеру, стал внимательно изучать ее, ища подтверждения своей догадке. Тщательно исследуя шашку, он внезапно обнаружил на клинке едва видимый крестик, чуть ли не в булавочную головку. Оказалось, что это изображение пограничного столба. На одной стороне гравер-виртуоз нанес микроскопические буквы «СССР», а на другой — «КВЖД». И наконец была найдена выгравированная дата выпуска шашки: «1929».

Теперь, казалось, все говорило о том, что шашка принадлежала Блюхеру. Ведь он командовал Особой Краснознаменной Дальневосточной Армией. Корнеев сам был участником боев на Дальнем Востоке и вспомнил, что в армию действительно приезжала делегация уральских рабочих. Кстати, в фондах музея есть и снимок, на котором Блюхер рассматривает подаренную ему шашку.

Эту ли шашку? У Александра Федотовича Корнеева нет сомнений, но он, конечно, был бы благодарен старым златоустовским рабочим, если бы они, прочтя о шашке Блюхера, подтвердили правильность его изысканий.

Вот они — знамена, хранящие неразгаданную тайну.

М. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Фото Б. КУЗЬМИНА

Снегопахи бороздят снежную целину.

Колхоз «Россия» находится рядом с Аткарском — есть такой старинный городок на Саратовщине. Когда-то в детстве мы любили бегать в колхозную кузницу. Здесь работал лохматый, закопченный дядька Иван.

— Пришли, пескари,— мрачно говорил он.— Ну, ну...

Кузнец ловко выхватывал клещами раскаленную добела железяку. Молотобоец брался за молот. Сыпались удары.

Дядька Иван ремонтировал весь инвентарь. Управлялся.

Новое поколение вездесущих пацанов уже не удивишь чудом рождения железного зуба для бороны. Теперь мальчишки бегают в колхозную мастерскую посмотреть на новую модель трактора, на только что купленный самоходный комбайн, на механическую лопату.

И вот мы идем по улице, где когда-то стояла та самая кузница. Моторы автомашин и тракторов переговариваются на дорогах и в поле.

У каждого мотора свой голос. Солидные, тяжелые «ДТ-54» тянут огромные, окованные железом сани с навозом. Возле амбаров сытно гудят зерноочистительные машины. Весь этот шум говорит о приближении весны. Хотя еще хлещут метели, чувствуется: весна не за горами.

В колхозе «Россия» 18 тысяч гектаров. Для нашего хлебного края колхоз средний. Хозяйство крепкое. В прошлом трудном году доход превысил миллион рублей. К слову, в тридцатом году дохода получили семьдесят тысяч в старых деньгах.

— А людей много ли?

— Немногим более семисот человек,— отвечает председатель Виктор Константинович Сапрыкин.

— И справляетесь?

— Техника выручает,— говорит он,— да и химия подает руку помощи. Взять хотя бы прополку. В этом году тысячу двести гектаров гербицидами обработаем. Минеральных удобрений получили больше, чем в любой последний год.

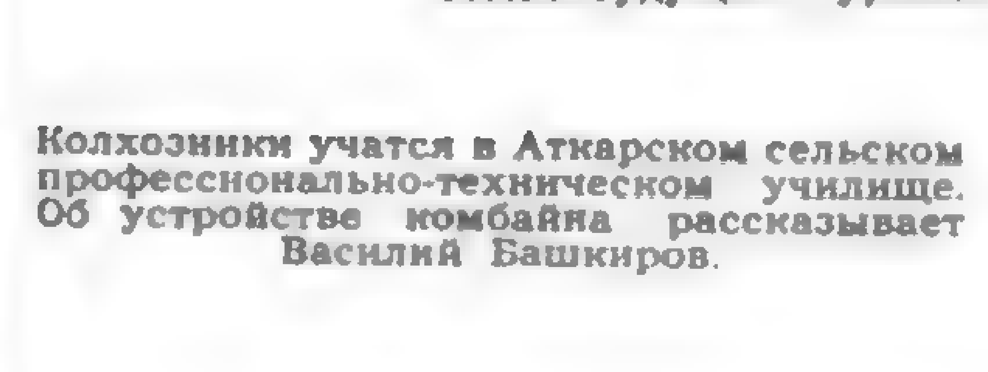
ПРЕДДВЕРЬЕ ВЕСНЫ

Гудят зерноочистительные машины.

Председатель колхоза Виктор Константинович Сапрыкин рассматривает семена будущего урожая ▶

Колхозники учатся в Аткарском сельском профессионально-техническом училище. Об устройстве комбайна рассказывает Василий Башкиров.

Земля — что тарелка: что положишь, то и возьмешь. Эту народную мудрость не забывает Виктор Погорелов.

Сегодня в клубе занятия по агротехнике.

Главный механик колхоза Николай Федорович Кузнецов и помощник бригадира Василий Трофимович Васин проверяют готовность туковых сеялок.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СЧАСТЬЕ

И. РУСАНОВА,
научный сотрудник Института марксизма-ленинизма

95 лет со дня рождения Н. К. Крупской

26 февраля 1964 года исполняется девяносто пять лет со дня рождения Надежды Константиновны Крупской — выдающейся революционерки, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, жены и соратника Владимира Ильича Ленина.

Многочисленные письма, дневники, документы, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, говорят о многогранной деятельности Надежды Константиновны. Ежегодно сюда поступают все новые и новые документы. Рассказать о некоторых из них редакция попросила научного сотрудника Института марксизма-ленинизма Ираиду Борисовну Русанову.

«Смоленские классы» — так называли Корниловскую вечерне-воскресную школу для рабочих, открытую на окраине Петербурга. Сюда в 1891 году поступила новая учительница — молодая, застенчивая. Это была Надежда Константиновна Крупская, которой тогда шел двадцать второй год. А в классе — рабочие с ткацкой фабрики Торнтона, бумажной фабрики Варгуниных и ситценабивной Паля и Максвеля, с Александровского паровозоремонтного и Обуховского заводов. Самая гуща рабочего класса!..

К тому времени Н. К. Крупская уже была убежденной марксисткой. «Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь», — писала позже Надежда Константиновна. Учительница, она и сама училась в «Смоленских классах». Хотела быть ближе к рабочим, узнать их жизнь, работать среди них. Поэтому Н. К. Крупская учит рабочих не только письму и счету. Не упоминая имени Маркса, она разъясняет, что такое марксизм, рассказывает о положении рабочего класса в России, о жизни рабочих в других странах. На уроках литературы она читала такие произведения, которые заставляли рабочих думать по-новому, звали их на борьбу. Надежда Константиновна и после занятий беседовала с рабочими, ходила к ним домой, знакомилась с их женами и детьми. Крупская организовала для рабочих внеклассное чтение.

В архив ИМЛ поступил интересный документ — рукописный отчет Н. К. Крупской «О внеклассном чтении в повторительной группе за 1892—93 уч. год».

«В начале учебного года, — сообщает Надежда Константиновна, — я предложила ученикам повторительной группы брать через мое посредничество книги из городской библиотеки, с платою 15 к. в месяц. Желающих оказалось много...

Плата вносилась всеми очень аккуратно, некоторые предлагали иногда плату за 2, за 3 месяца вперед, говоря, что они иначе, пожалуй, истратят деньги...» И дальше идет длинный список прочитанных книг.

Сейчас на здании школы установлена мемориальная доска: «В этом доме находились Смоленские воскресные классы («Корниловская школа») — нелегальный центр марксистской пропаганды среди рабочих Невской заставы, где с 1891 по 1896 год преподавала Надежда Константиновна Крупская».

* * *

Несколько лет назад в Риге были обнаружены ценные материалы о деятельности латвийских социал-демократов, относящиеся к 1907—1915 годам. Среди них оказались письма Н. К. Крупской к большевику Я. А. Берзину, одному из участников революционного движения в Латвии. Письма были написаны 18 июля и 4 августа 1915 года по поводу подготовки Циммервальдской международной социалистической конференции.

В письме от 4 августа Н. К. Крупская ставит Берзина в известность, что созыв Циммервальдской конференции отложен до 20 августа 1915 года. Это письмо дает возможность уточнить дату получения В. И. Лениным мандата на Циммервальдскую конференцию от Латышской социал-демократической партии. В датах жизни и деятельности В. И. Ленина указано, что Владимир Ильич получил мандат 7 августа. Но в письме Берзину от 4 августа Надежда Константиновна сообщала: «Дорогой друг, доверенность получили... Сегодня получили доверенность и из Норвегии». Кроме того, из письма следует, что В. И. Ленин имел мандат на Циммервальдскую конференцию не только от Латышской социал-демократической партии, но и от левого крыла Норвежской рабочей партии.

* * *

3 апреля 1917 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская с группой товарищей вернулись в Россию. Надежда Константиновна начала работать в Секретариате ЦК, писала статьи в газеты по вопросам народного образования.

В мае 1917 года в Петрограде проходила избирательная кампания по выборам в районные думы. Центральный Комитет партии придавал большое значение этой кампании. Н. К. Крупская баллотировалась по Выборгскому, наиболее революционному району. Районная управа была избрана целиком из большевиков.

Надежда Константиновна возглавила культурно-просветительный отдел районной управы. Уже тогда она заботилась о перспективах культурной революции в России. Основной задачей этого отдела была борьба за так называемую «грамотную повинность». Очень интересен отчет Н. К. Крупской о расходах на школы грамотности:

«От попечительного совета на эту статью расхода было получено 2000 (две тысячи) рублей. До сих пор существовала лишь одна школа грамотности при Выборгском Коммерческом Училище (Финский переулок, д. 5), открытая Временной Районной Думой.

...В настоящее время предполагается к открытию целый ряд школ грамоты.

На днях открываются 2 класса для безграмотных подростков (занималось свыше 100 человек) Выборгского района. Занятия будут происходить в доме Нобеля (Лесной пр., д. 20). Затем в городской и детской больнице Выборгского района открыто 7 классов для обучения грамоте (записались свыше 256 человек).

...Кроме того из разговоров с представителями заводов выяснилось, что в ближайшем будущем можно будет открыть еще около 30 школ грамотности (при каждом заводе). Будет также функционировать школа и в Финском переулке. На все эти школы желательно было бы получить немедля ассигновку, чтобы можно было приступить к открытию школ».

* * *

После победы Октябрьской революции Н. К. Крупская начинает работать в Наркомпросе. Она была назначена правительственным комиссаром внешкольного образования. В стране шла гражданская война, свирепствовал голод, но народ жадно тянулся к знаниям.

Надежда Константиновна все силы отдавала созданию новой советской школы. Тысячи людей обращались к ней за помощью и советом. В 1924 году комсомольцы села Княжицы, Могилевского района, обратились с ходатайством к местным властям об открытии в их селе школы крестьянской молодежи. Но школа не открывалась. Как только Н. К. Крупская узнала об этом, она тут же написала письмо председателю ЦИК Белорусской ССР А. Г. Червякову: «Тов. Червяков, очень просила бы Вас посодействовать устройству школы крестьянской молодежи в с. Княжицах. Самое главное — там будет инициатива и забота, и дело может пойти. Очень было бы нужно».

Школа в этом селе была открыта и работала очень успешно.

7 января 1928 года Надежда Константиновна написала ответное письмо учащимся Стародубского педтехникума имени Крупской Брянской губернии. Это письмо было найдено Тимофеем Денисовичем Корнейчиком среди документов его покойного брата Ивана Денисовича Корнейчика, бывшего в двадцатых годах директором Стародубского педтехникума. С удивительной теплотой и заботой об учителе обращается Н. К. Крупская к будущим педагогам:

«Дорогие друзья, прежде всего позвольте поблагодарить вас за доброе отношение ко мне, за привет.

Мне бы хотелось, чтоб ваш техникум стал одним из самых передовых. Мне этого хочется потому, что этой осенью я была в Брянской губернии и с тех пор стала настоящей брянской патриоткой. А потом звание советского учителя — почетное звание и мне, как старой учительнице, хочется, конечно, чтобы каждый из вас полюбил учительское дело, вносил бы в него дух творчества, относился бы к нему с любовью, с живым интересом...»

* * *

Тысячи и тысячи писем приходили к Надежде Константиновне, и среди них очень много было писем от детей. Она очень любила ребят и умела с ними разговаривать.

23 февраля 1939 года, за три дня до смерти, Н. К. Крупская написала ответ ребятам из Грязовецкой школы слепых (Вологодская область). Дети просили сообщить им, какие песни она любит, чтобы разучить их и исполнить в день ее 70-летия.

«Дорогие мои, вы просите написать вам, какие песни я больше всего люблю, хотите разучить их. Самая моя любимая песня «Интернационал». Также любила я очень песню «Красная Армия» («Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон» и т. д.), во время гражданской войны ее распевали в Кремле красноармейцы, и мы с Ильичем очень любили ее слушать.

Горячий вам привет, дорогие ребята.

Н. Крупская».

Это письмо передал в наш Центральный партийный архив Вологодский областной музей.

И. Евстигнеев. НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ. 1941 год.

А. Хмельницкий. ПОБЕДА!

П. Кривоногов. КРЕПОСТЬ В ОСАДЕ.

А. Горский. БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ.

Авиа-агрономы

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Лекция о применении гербицидов, а читает ее авиатор-агроном, инженер эскадрильи В. Н. Плясковский.

«МИЛЛИОНЕРЫ» И ПАХАРИ

Бетонное поле аэродрома. Уходящее в дымку, оно кажется бескрайним.

Гудя моторами, совершает посадку самолет «АН-10». Металлическое чудовище медленно разворачивается и, слегка покачивая крыльями, катится к зданию аэровокзала. И, наверно, никто из встречавших его не заметил, что почти одновременно рядом с бетонной полосой (на бетон их пускают не часто) совершил посадку его «старший брат» — маленький самолет сельскохозяйственной авиации, трудяга «АН-2». Он не стал подруливать к перрону, а скромно свернул в сторону и, подстроившись к шеренге подобных себе машин, замер на месте.

...В диспетчерской, заполненной «аристократами воздуха» — пилотами реактивных и турбовинтовых самолетов, их кители украшали значки с шестизначными числами — налетанные километры, я обратил внимание на стоявшего у барьера летчика с планшетом в руках. Собственно, мой взгляд привлекла скромная, на темно-зеленой ленте медаль ВДНХ, приколотая к лацкану его кителя. Это был пилот самолета «АН-2», того самого, что только что приземлился.

— Познакомьтесь, наш «земледелец»,— говорит командир эскадрильи спецприменения Белорусского управления «Аэрофлота» Михаил Иванович Наливайко.— Я вижу, вы все на «миллионеров» заглядываетесь. Понятно, впечатляет. У нас, конечно, миллионов не налетаешь. Скоростенка не та. Но не думайте, что работать в сельском хозяйстве легче. Если подсчитать, сколько ему пришлось сделать взлетов и посадок,— тысячи!

ВОЗДУШНЫЙ МЕХАНИЗАТОР

Летчик Николай Петрович Коровин. Раньше летал на транспортных самолетах, а в пятьдесят первом году подался в сельские механизаторы — воздушные, конечно. Чего только не приходилось ему делать за эти годы: патрулировать леса, опылять сады и виноградники, разбрасывать минеральные удобрения, опрыскивать хлопчатник жидкостью, ускоряющей созревание коробочек, уничтожать химическими препаратами кустарник на вновь осваиваемых землях. Каких только вредителей не морил он химией со своего самолета... Более тринадцати тысяч часов пробыл в воздухе и обработал сто двадцать тысяч гектаров земли. И все это без единой аварии. Какая получена добавка к урожаю благодаря незаметному труду Николая Петровича? Но как подсчитать! Коровин — кочевник. Сегодня его самолет работает в одном колхозе, а завтра — в другом. Да и не в одной только республике. В Белоруссии — весна поздняя, пока она наступит, летчики еще успевают поработать на полях Средней Азии, Кубани и Украины.

Рабочий день воздушных механизаторов начинается рано. Если нет дождя или тумана, то в четыре утра самолет уже в воздухе. Летают на бреющем полете — высота — 5—10 метров. Днем в жару работать опасно. Болтанка. Воздушный поток может ударить самолет о землю. А дело-то не ждет. Упустишь время — упустишь урожай...

В сельском хозяйстве появилась новая машина — самолет. А к деревенским профессиям прибавилось — летчик. Поэтому и орден Ленина и «Знак Почета», полученные Николаем Петровичем за работу на колхозных полях, никого не удивляют.

ПИЛОТЫ ЗА ПАРТОЙ

За длинными черными столами что-то усердно записывают склонившиеся над тетрадями слушатели. Постукивая кусочком мела, преподаватель вычерчивает на доске сложные схемы, подкрепляя их длинными рядами цифр.

Тема занятий — применение гербицидов в борьбе с сорняками.

В общем, лекция как лекция. Присматриваюсь к учащимся. Не все из них молоды. Это пилоты эскадрилий спецприменения, по многу лет работающие в авиации.

Среди них и знакомый нам Николай Петрович Коровин. Практика показала, что работать без какого-то минимума агрохимических знаний в сельскохозяйственной авиации уже нельзя.

После занятий знакомимся с проводившим урок инженером эскадрильи Виктором Николаевичем Плясковским. В свое время он и второй инженер Александр Иванович Тимин окончили в Ленинграде авиационный институт «Аэрофлота». А позже один — Белорусскую сельскохозяйственную академию, второй — Гродненский сельскохозяйственный институт.

— Теперь мы авиаагрономы,— шутят они,— жизнь этого требует. В авиации таких, как мы, уже много!

ВОЗДУХ, ЗЕМЛЯ И ХИМИЯ

— Теперь у нас,— рассказывает Наливайко,— работают спаренные экипажи. Дело в том, что для летчиков существует жесткая санитарная норма — не более шести часов полета в сутки. Отлетал свое время, хочешь не хочешь, иди отдыхай. А самолет-то тем временем стоит. Начали работать в две смены. На каждом самолете теперь по два экипажа. Производительность сразу же увеличилась в полтора раза. Это тысячи дополнительно обработанных гектаров земли.

К сожалению, до сих пор еще не изжито противоречие между «воздухом» и «землей». На полет для рассеивания химикатов от взлета до посадки в среднем уходит десять минут. Столько же времени отнимает загрузка самолета. Половина времени уходит на погрузку. Почему? Нет механизации. Грузят вручную. Самолет берет 1 200 килограммов сыпучих химикатов. Каждый мешок весит двадцать. Вот и попробуй перекидай шестьдесят мешков на высоту четырех метров. Притом быстро: летчик-то торопит. Требуется 10—12 рабочих. Труд очень изнурительный. Да и влетает это в копеечку. Химикаты часто хранятся под открытым небом. Сыреют, теряют свои качества. Работать с ними трудно, они слипаются, плохо рассеиваются, забивают распылительный механизм. Необходимо строить навесы.

До зарезу нужны механические погрузчики-размельчители. А их нет, и, насколько нам известно, никто их не делает. А ведь как только большая химия двинет свою продукцию на село, развозить-то ее на поля придется нам. Объем работы увеличится в несколько раз. Потребуются новые типы самолетов и вертолетов, полная комплексная механизация наземного обслуживания. Нужно уже сейчас готовиться к этому. Иначе как бы химия не застигла нас врасплох.

МОСКВА, ВТОРАЯ ПЕСЧАНАЯ...

17 марта детскому саду «Звездочка» исполняется четыре года. Сад этот своим существованием обязан доброте, неистощимой энергии и изобретательности женщин, живущих на Второй Песчаной.

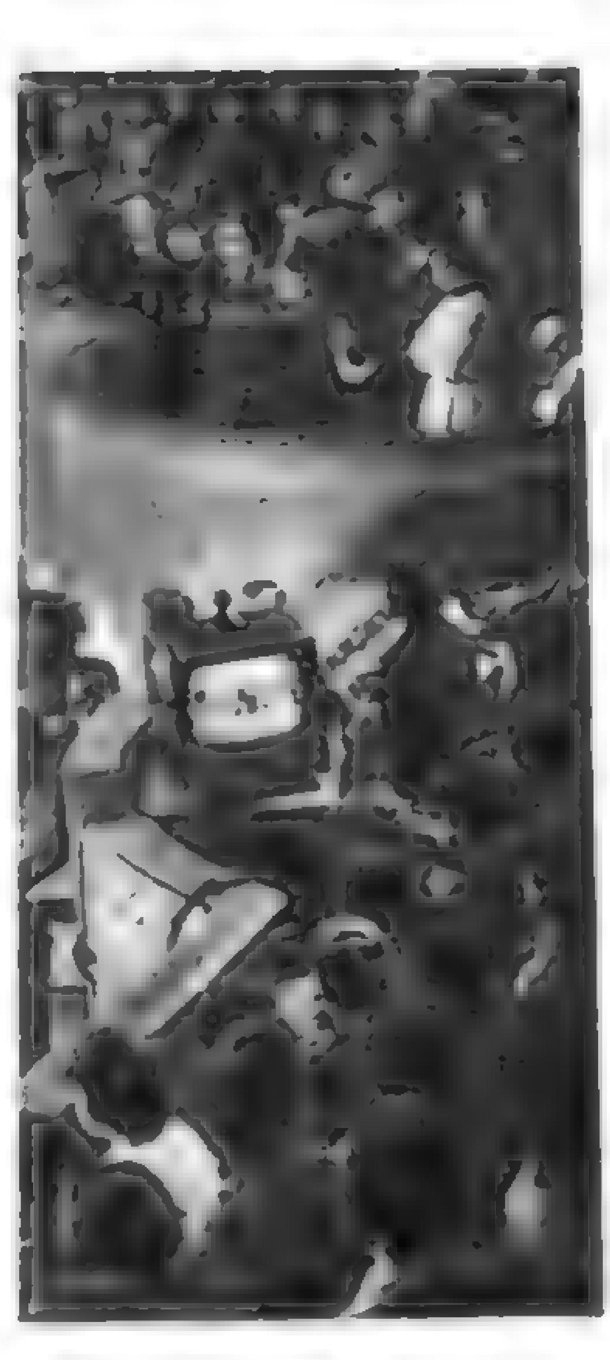
...Сначала была обычная прогулочная группа. Бабушки и мамы по очереди дежурили во дворе с малышами. Потом Вера Федоровна Лаврова, человек далеко не молодой и не имеющий, кстати, своих малых детей и внуков, задалась целью создать детский сад на общественных началах. Легче всего было найти воспитателей: ими с радостью согласились быть студентки пединститута. Труднее было заложить «материальную базу»: найти помещение и средства. Помог райисполком. Детсад получил две соседние квартиры.

Больше всего принесла хлопот кухня, но и эта проблема была решена: наняли повариху и уборщицу. Только эти две должности и оплачиваются. Закупают продукты и доставляют их сами родители. Они же заменяют студенток на каникулы и сессии, они же чистят картошку и водят детей к врачам на осмотры,— кстати, и врачи тоже общественные. Остальное же тут, как во всех детских садах: 30 ребят занимаются музыкой и иностранным языком, рисованием и лепкой...

«Звездочка» — одно из многих детищ активистов домового комитета, который возглавляет В. И. Шот. Работает тут и молодежный клуб «Юность», и библиотеки, и студия живописи, и скульптурная мастерская, и пионерский штаб, и детская автострада... Работают тут не для галочки, а на совесть советы корпусов. Люди берут на свою сохранность не только отдельные комнаты и квартиры, но и целые корпуса!

Жюри присудило первую премию в соревновании домкомов Москвы за 1963 год домкому ЖЭКа № 14 Ленинградского района. Сюда, на Вторую Песчаную, перекочует и вымпел журнала «Огонек».

Г. ВЛАДИМИРОВА

В московском спортивном клубе «Крылья советов» на телевизионном матче по художественной гимнастике.

СПОРТИВНАЯ АРЕНА — ЭКРАН

По инициативе работников Киевского телевидения состоялся телевизионный матч по художественной гимнастике между командами Киева и Москвы. Разыгрывался переходящий Кубок, учрежденный журналом «Огонек». Спортсменки выступали в двух городах и наблюдали друг за другом при помощи голубых экранов — телевизоры были установлены тут же, на краю спортивных арен.

И вот интересные соревнования закончены. Судейская коллегия взвешивает все «за» и «против». Кубок «Огонька» вручается капитану московской команды Людмиле Савинковой.

Телезрители Москвы и Киева стали свидетелями зарождения новой многообещающей формы спортивного зрелища.

Л. Савинкова с Кубком «Огонька».

Фото А. Бочинина.

Новост

Советский земснаряд расширяет оросительный канал около Наг-Хаммади.

Этот снимок сделан на построенном в СССР сейсморазведочном судне «Бакр». Взрывники Г. Золотарев и Абдул Азиз готовят заряд к спуску в море для разведочного взрыва.

Фото А. ГОРЯЧЕВА.

Страна древних пирамид — Объединенная Арабская Республика — стала сейчас на Ближнем Востоке страной крупнейших новостроек. На многих из них можно встретить специалистов и технику из стран социализма. Наша страна сотрудничает с ОАР в создании около 80 различных объектов. Крупнейший из них — Садд аль-Аали — Асуанский гидроузел, отметивший недавно четвертую годовщину с того дня, когда первый взрыв официально возвестил о начале этой важнейшей стройки.

«Безоговорочно продиктовано дружбой»,— так сказал президент Гамаль Абдель Насер о помощи, которую Советский Союз оказывает ОАР.

в долине

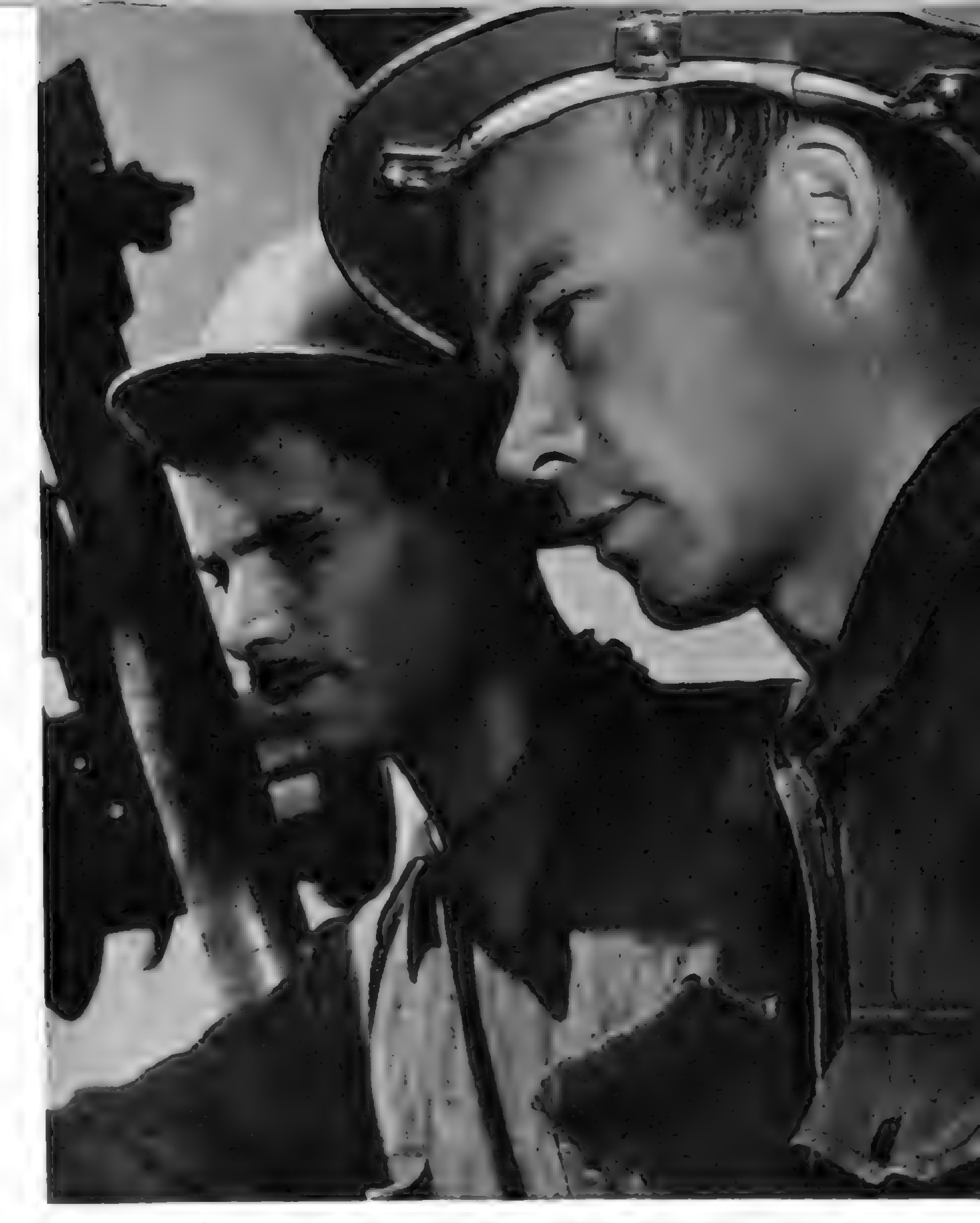
...ройки

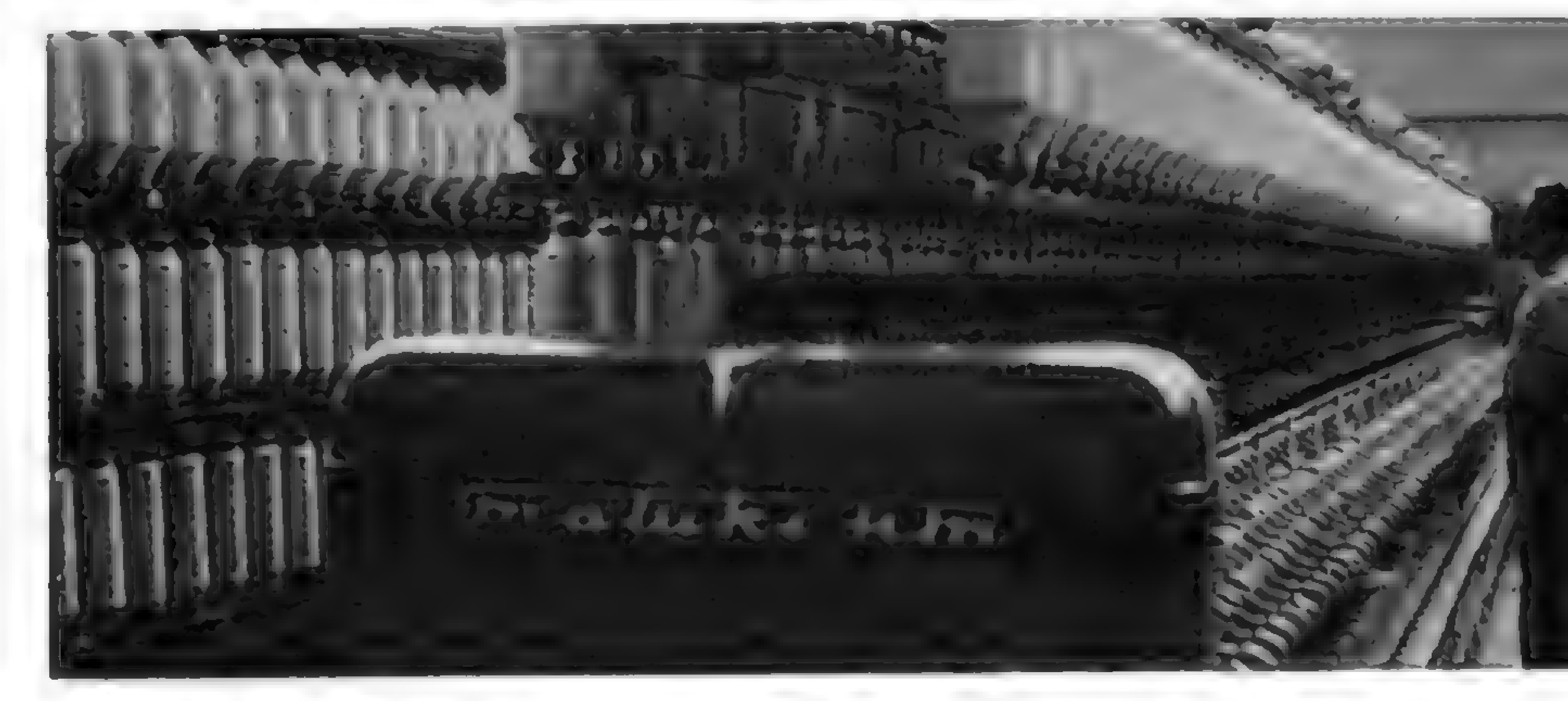
Асуан. Идет монтаж закладных частей на ГЭС Садд аль-Аали. Только в 1963 году в Асуан прибыло 34 тысячи тонн грузов из Советского Союза: машины, оборудование, материалы,— а всего их поставлено с начала строительства более 140 тысяч тонн.

Атомный реактор, построенный при содействии СССР,— первый на африканском континенте.

На побережье Красного моря бурят нефтяную скважину бурильщик Андрей Емерин и его помощник Мухаммед Шахир.

Мит-Гамр. Здесь работает хлопкопрядильная фабрика, оснащенная советскими [illegible]

Лаборатория ядерной физики.

...е Нила

Открытие профессора Фолла

В. НИКОЛАЕВ

Международный фельетон

В Соединенных Штатах недавно разгорелась дискуссия. Между госдепартаментом, Пентагоном и Говардским университетом. Обсуждается научный термин «кил рейшноу», что в переводе означает «пропорция уничтожения».

Вокруг «пропорции» и шли споры. Смысл этого на первый взгляд не совсем понятного выражения был предельно ясен всем участникам дискуссии. Но они долго не могли договориться о том, как выразить эту «пропорцию» в цифрах. Пентагон предлагал одно, госдепартамент — другое, а университет со свойственным ему научным высокомерием — третье. Наконец верх в научном споре, как и следовало ожидать, одержала наука. Что там ни говори, а в США все же существует хоть и американская, но демократия. Вот почему ни военная мощь Пентагона, ни влияние госдепартамента — ничто не одолело ученых университетских мужей. Истина всего дороже!

Во время дискуссии речь шла о таком животрепещущем вопросе: что необходимо сделать, чтобы поставить на колени вьетнамских патриотов? Решили: залить страну кровью. Под это решение подвели наукообразную базу — «пропорцию уничтожения». Она равна 50 к 1. Это значит, что за каждого убитого в боях вьетнамского наемника или же американского инструктора необходимо истреблять пятьдесят патриотов. Только в таком случае, утверждали участники дискуссии, можно будет покорить вьетнамский народ.

Итак, 50 к 1.

Это решение, к которому пришли участники дискуссии, несомненно, поразит даже самых искушенных читателей международных фельетонов. Но все же цифра эта не гипербола фельетониста. Ее выдвинул, обосновал и отстоял профессор Говардского университета Бернард Фолл, знаток Вьетнама, недавно побывавший там. Вот его слова, которые были преданы гласности американским журналом «Ньюсуик»: «Южный Вьетнам не сможет одержать победы до тех пор, пока пропорция уничтожения будет меньше, чем 50 к 1».

Открытие профессора Фолла вдохновило руководителя Пентагона Макнамару на пламенный призыв, с которым он, подводя итоги дискуссии, обратился к очередным южновьетнамским марионеткам:

«Во Вьетнаме начался сухой сезон, поэтому стало легче преследовать противника. Перестаньте думать о собственных потерях и сражайтесь!»

Чего уж там думать о потерях, чего их бояться, если сам профессор Фолл доказал, что они должны соответствовать пропорции 50 к 1?!

По призыву, то бишь по приказу Макнамары, южновьетнамское воинство и двинулось в очередной поход. И вот что из этого вышло. Предоставляем слово журналу «Ньюсуик»:

«С живыми цыплятами, прикрученными к солдатским ранцам, под какофонию восточной музыки, несущуюся из походных транзисторов, солдаты десятого полка пробирались через грязь рисовых полей к юго-западу от Сайгона. Когда они приблизились к месту, где предполагалось скопление противника, к ним присоединились подкрепления, переброшенные туда десятью вертолетами. «Вперед, вперед! — кричал нетерпеливый американский инструктор. — Мы сейчас перебьем здесь всех партизан». Но ни один партизан не был убит. Они как сквозь землю провалились».

Не сработала «пропорция уничтожения» профессора Фолла. Не был выполнен очередной приказ Макнамары. Не помогли ни живые цыплята, ни современные транзисторы, ни американские вертолеты, ни американский инструктор.

О том, что подобные походы не всегда заканчиваются столь «удачно» для южновьетнамских вояк и их незадачливых заокеанских полководцев, рассказывает все тот же американский журнал:

«На прошлой неделе партизаны атаковали колонну южновьетнамских войск на шоссе среди бела дня, уничтожили два бронетранспортера, убили тринадцать солдат и захватили все снаряжение».

Последняя деталь особо печалит и журнал и, самое главное, Пентагон. Как сообщает американская печать, вьетнамские патриоты неплохо вооружены трофейным американским оружием, «первоклассным оружием», комментирует со знанием дела «Ньюсуик».

В трубу вылетают денежки американских налогоплательщиков. По официальным американским данным (надо думать, незавышенным), война в Южном Вьетнаме уже обошлась США в три миллиарда долларов и сейчас ежедневно поглощает полтора миллиона долларов. И тем не менее, как сообщает «Ньюсуик», даже в районе Сайгона южновьетнамские марионетки и их американизированное войско не знают покоя:

«В дельте реки Меконг, питающей Сайгон, в этом важнейшем стратегическом районе, партизаны сейчас даже сильнее, чем при французском владычестве во Вьетнаме. В тринадцати из сорока трех провинций Южного Вьетнама партизаны собирают налоги, распределяют землю, набирают из крестьян подкрепление, действуя так же открыто, как и южновьетнамское правительство».

Вот какие, оказывается, дела! Едва ли тут помогут даже рецепты самого профессора Фолла. Давно кануло в вечность то время, когда колонизаторы безнаказанно гнули в три погибели порабощенных ими людей. Неоколонизаторам приходится потуже. И не от хорошей жизни устраивают они людоедские дискуссии по поводу «пропорции уничтожения». Но какими бы арифметическими упражнениями ни занимались совместно Пентагон, госдепартамент и американские ученые-мужи, какие бы пропорции ни выводили, соотношение сил давно уже не в их пользу. И не только в Южном Вьетнаме.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ПОЛИЦЕ

Александр Яковлевич показывает документы, фотографии. Старый снимок: русский капитан принимает на площади города Полице парад чехословацких воинов. Еще снимок: командиру партизанского чехословацкого отряда тут же на площади от имени чехословацкого командования вручается за успешные партизанские действия золотой крест.

У Александра Яковлевича Гречишникова хранится и шелковое знамя партизанского отряда и шелковый штандарт. Он прислан жителями чехословацкого города Полице в подарок русскому другу. На нем написано: «Почетному гражданину города Полице, командиру партизанского отряда А. Я. Гречишникову».

А вот удостоверение: «Предъявитель сего есть командир 1-го Партизанского отряда, из русских пленных, капитан Гречишников Александр, героически борющийся с немецкими бандами СС, засевшими в горах и лесах Чехии. Отряд капитана Гречишникова охраняет коммуникации Советских войск, а также на территории Германии производит разоружение и выявляет немецких бандитов, что подписью и приложением печати удостоверяется».

Сейчас у Александра Яковлевича Гречишникова мирная профессия: он ревизор грозненского почтамта. А в годы войны капитан Гречишников сражался за Родину, был тяжело ранен под Киевом, попал в окружение и был захвачен в плен.

Пытки, побои. Один лагерь за другим. Но ничто не сломило воли советского человека. Гречишников с помощью чехословацких друзей совершает побег из лагеря под городком Матхаморен. Немало дней скитался в лесах, прятался в пещерах, чтобы не попасть в руки врагов. Наконец он пересек границу Чехословакии. Было это неподалеку от города Полице. Там Гречишников познакомился с Иосифом Новаком и Иосифом Мрынка. И вскоре был создан небольшой партизанский отряд из русских и чехов. В нем сперва было 45 человек.

Партизаны устраивали засады на шоссе, нападали на гитлеровские посты, потом стали вести бои с большими группами противника, освобождали от фашистской нечисти местечки. Так был освобожден от врагов и город Полице.

А 15 мая на площади этого города состоялся большой митинг. На нем присутствовал весь партизанский отряд. Звучали речи на русском и чешском языках. Тут же командиру отряда был вручен золотой крест.

Рассказав обо всем этом, Александр Яковлевич добавляет:

— Очень хочется снова услышать о боевых друзьях. Верю, что они отзовутся.

С. ВОРОНИН

Грозный.

Удостоверение.

Предъявитель сего есть Командир 1-го Партизанского отряда, из русских пленных, Капитан Гречишников Александр – героически борющийся с немецкими бандами СС засевшими в горах и лесах Чехии. – Отряд Капитана Гречишникова, охраняет коммуникации Советских войск а также на территории Германии производит разоружение и выявляет немецких бандитов, – что подписью и приложением печати удостоверяется.

Команда Чехосл. Армии
отряд в Полице

Партизанское удостоверение А. Я. Гречишникова.

Командир полка Андрей Рева

Один из экспонатов краеведческого музея в городе Мценске, Орловской области, посвящен 6-му Мценскому полку, принимавшему участие в гражданской войне. Его бойцы героически форсировали Сиваш, пробивали дорогу в Крым. Стенд музея украшен скромными фотографиями ветеранов полка. Среди них — кавалеристы, пулеметчики, стрелки. К сожалению, на стенде нет снимка Андрея Григорьевича Ревы — командира полка, легендарного героя. Наш музей давно ищет портрет Ревы, но пока без успеха. Кто такой Рева? Штабс-капитан старой царской армии, он перешел на сторону трудового народа, организовал полк, который входил в 15-ю Инзенскую, а в дальнейшем в 12-ю Воронежскую дивизию. Полк получил за участие в боях против Юденича знамя Петроградского Совета.

Рева погиб в Ольгополе, Винницкой области, от пули махновцев. Там и его могила. Говорят, что он родом из Харькова, известно, что он оставил после себя двух сыновей. Мы надеемся, что кто-нибудь из них или из однополчан откликнется.

Г. СОЛОВЬЕВ,
директор музея

Мценск.

ТРИ ВИТЯЗЯ

Посмотрите на снимок — три витязя, не правда ли?

Снимок сделан в апреле 1943 года, в партизанском отряде, которым командовал Сидор Артемьевич Ковпак, дважды Герой Советского Союза, а фотографировал ковпаковских витязей Л. Коробов, корреспондент «Правды», сброшенный на парашюте в глубокий тыл врага.

Слева вы видите Героя Советского Союза Семена Павловича Тутученко, архитектора. После войны он работал главным архитектором города Севастополя, затем секретарем Союза архитекторов СССР, а сейчас С. Тутученко в Киеве, он руководитель сектора научно-исследовательского института.

В центре — Александр Тютярев, он работает в городе Омске. И справа — Александр Ленкин, прославленный разведчик «Усач», Герой Советского Союза, который все послевоенные годы работал «по лесному делу». Ныне А. Ленкин — директор домостроительного комбината в Чебоксарах.

Находка на окраине

На окраине города Попасная, в Луганской области, недалеко от бывшей бойни, членами краеведческого кружка школы № 45 была найдена старая немецкая гильза, залитая воском. Внутри обнаружен обрывок книжного листа. На нем сделана простым карандашом надпись. После некоторых усилий удалось прочесть следующее:

«Товарищи, нас было 4 (была написана цифра пять, но затем сверху исправлено на четыре) человека. Фашисты гнались за нами. Я был директором музея. Со мной были драгоценные вещи. Мы закопали их здесь, от патрона на запад 10 шагов. Прощайте. Отомстите за нас. Пермяков, Иванов, Г...ду... (неразборчиво), Соловьев — предатель, мы его расстреляли».

Нам очень хочется узнать о судьбе авторов записки. Возможно, что читатели «Огонька» знают о музее, который эвакуировался в этом направлении, знают о судьбе экспонатов.

СКУРАТОВ

Первомайск.

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Семен Осипович Фридлянд — прекрасный мастер советского фоторепортажа, один из его зачинателей, истинный художник душой и сердцем. 39 лет он работал в журнале «Огонек». Придя в редакцию 20-летним юношей, он вырос в журнале и отдал ему все свое зрелое умение и тонкое мастерство. Если собрать все созданное Фридляндом, то перед нами предстанет «биография» всей Советской страны, новостройки и колхозные нивы, города и таежные поселки, дела и подвиги советских людей на военных и трудовых фронтах.

Он страстно любил жизнь, умел видеть, находить глазом взыскательного художника все значительное, важное, светлое в нашей жизни и рассказывать об этом миллионам читателей журнала. Талантливый и щедрый человек, Семен Фридлянд создал школу советского фоторепортажа, и сейчас во многих редакциях газет и журналов работают его ученики, воспринявшие его творческие приемы, зоркость и умение. В них, его учениках, мы видим продолжение жизни большого мастера фоторепортажа.

Он был неутомим. Вряд ли можно на карте нашей Родины найти хотя бы незначительный уголок, где бы не побывал со своим фотоаппаратом Семен Фридлянд.

Он был честен, трудолюбив и крайне требователен к себе.

Он не знал отдыха и не любил его. Жизнь журнала была его жизнью, фотоискусство — родной и любимой стихией.

Сломленный тяжелым, неизлечимым недугом, он рвался к работе и в ней видел лучшее для себя лекарство.

Он умер на посту, как солдат.

ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ

Шинель

Василь БОЛЬШАК

Юмореска

Рисунки Ю. Черепанова.

В село Вергуны приехал молодой, но бывалый корреспондент Сашко Проноза. Про него в редакции говорят: «Сашко про любой пожар знает за пять минут до того, как он полыхнет».

Не успел Сашко повести своим утиным носом туда-сюда, как уже напал на то, что искал. Газета требовала привезти очерк про солдата, форсировавшего Днепр. Сотрудники районной газеты да и другие люди указали на сулимовского завхоза Наума Ивановича.

— Он и на Волге дрался, и Берлин брал, и за Киев медали имеет. Все корреспонденты к нему идут.

И Сашко поехал в Сулимовку. Для начала здоровьем завхозовым поинтересовался, тем-другим. И только после этого взял быка за рога.

— Расскажите, Наум Иванович, как герой форсирования Днепра...

— Герой? Какой я герой?

— Так я же своими глазами в районной газете читал, как около вас в воде пули кипели...

— В газете пули, а на самом деле каша кипела.

— Какая каша?

— Обыкновенная. Перловая. Старшиной я был в хозвзводе. И ехал я себе в Киев на кухне полевой, а в ней каша кипела.

— Ну, а, может, были какие примеры героизма в дивизии вашей? Или в корпусе? — на всякий случай спросил Сашко и выжидательно скосил глаза на завхоза.

— Про корпус старшине не докладывали. Корпус-то, куда твое дело, высоко. А в роте в нашей всякие случаи бывали. Не то чтобы героические... Про шинель вам расскажу.

Наум Иванович вытащил махорочную сигарету, зажег, выпустил такое духовитое облако, что корреспондент закашлялся.

— Какого вы, извините за выражение, чина-звания?

— Я журналист. А военное звание, между прочим, тоже имею. Лейтенант запаса,— с достоинством ответил Сашко.

— Эге ж! — будто бы даже обрадовался завхоз.— Вот такие и у нас были лейтенанты, молодые, до ротного хозяйства им дела мало. Все на мне держалось — и обмотки, и галифе, и хе-бе, и бе-у.

— Извините, какое это имеет отношение к форсированию Днепра?

— Вот тоже и у нас лейтенанты такие быстрые были, куда твое дело! Не дослушает, а кричит уже, гонор свой показать хочет. Особенно, если санитарка близко какая или телефонистка. Я не про вас...

Ладно, перебрались мы в Киев... А он горит еще, дома падают, гарью отовсюду сильно тянет. Выкатил я кухню свою ротную, поднимаюсь занять позицию за стеной, за ветром, куда бы дурная пуля не залетела, мина дурацкая не фуганула.

А тут фрицик запоздавший, откуда только и вывернулся! Вдруг на моих глазах ка-ак шваркнет в окно бутылку с горючей жидкостью. Там так и загоготало, занялось. А дом этот, куда он бросил, не простой, а большой, красивый. Взорвать его не взорвали фрицы, не успели. Вытурили наши их отсюда быстро, так поджечь решили. Для того и увальня этого, фрицика, оставили.

Я, может, и кинулся бы гасить огонь, так ведь боевое задание имел: для кухни срочно позицию выбрать и доложить. А служил у нас в хозвзводе такой парнишка, Грицько Вареников. Говорили, до войны был просто Вареник, а в лихую годину писарь какой-то перепутал. Так и пошло — Вареников. Воевал он в пехоте, а по случаю ранения в хозвзводе нашем на поправке был.

Смотрю, ковыляет Грицько к тому фрицику, что кидает бутылки. То ли пьяный был тот неповоротливый немец, то ли в запале боя всякое соображение потерял, где свои, а где наши, но даже и внимания на Грицька не обратил. А Грицько — пули пожалел или шума лишнего не захотел поднимать — подбежал к поджигателю да саперной лопаткой ка-ак хрястнет его, ну тот — брык и лежит.

Я кричу Грицьку:

— Рядовой Вареников, за мной!

Потому что дров надо наколоть, освободителям Киева каши побыстрее наварить.

А Грицько, куда твое дело, и ухом не повел. Вскарабкался кое-как в разбитое окно, прыгнул туда, в дым. Только и услышал я оттуда:

С ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ

Если попытаться выразить одним понятием секрет силы нашего искусства, его эстетические особенности, то вполне закономерно говорить о социалистическом реализме. Именно этот творческий метод позволяет художникам проникать в правду жизни, создавать произведения, раскрывающие исторический смысл событий в живых, эмоционально-действенных образах.

Сегодня социалистический реализм имеет свою историю, созданную вдохновенным творчеством художников-борцов. И в этой биографии нашего искусства важнейшим этапом является последнее десятилетие. Коммунистическая партия создала все возможности для нового подъема нашего искусства. Она помогла художникам быстрее и лучше понять, какую роль отвела им история в период строительства коммунизма.

Теоретическому осмыслению опыта советского искусства этого периода посвящена новая книга В. Разумного «Проблемы социалистического реализма». Она, пожалуй, является первой попыткой подробно рассмотреть наиболее актуальные вопросы творческой практики современного советского искусства.

Воспитание правдой — так характеризуют свою задачу сами мастера советского искусства. Вот почему повышение общественной действенности своего творчества они связывают с борьбой за художественную правду произведений. В книге читатель найдет рассказ о том, как Коммунистическая партия помогла художникам преодолеть ошибочные представления, порожденные «теорией» бесконфликтности искусства, какую роль в деле дальнейшего расцвета нашей художественной культуры сыграла критика партией модернистских взглядов (утверждений о том, что существует некий единый «современный стиль», характерный для всего искусства XX века, что творчество его представителей связано с «дедраматизацией» и отказом от психологизма и т. д.).

Выдвигая мысль о художественной правде как образном открытии действительности, ее ведущих тенденций, автор детально прослеживает, как рождается эта правда. С интересом читаются разделы книги, в которых дается анализ социальной правды, правды характеров и чувств, верности психологического рисунка. Критикуя идею «диктата действительности», суть которой — в признании автоматического, механического влияния нового в жизни на искусство, В. Разумный выявляет значение мировоззрения художника, его идейной позиции для качества художественных произведений. В этом плане дается критика иллюстративного, равнодушного искусства, «воплощающего» правильные идеи, но так, что исчезает искусство, исчезает художественно-прекрасное.

Страстно, в духе традиций марксистской публицистики автор книги развенчивает претензии современных модернистов на новаторство. Он доказывает, что сегодня подлинное новаторство, связанное с прогрессом искусства, возможно только на путях служения народу, то есть на путях социалистического реализма.

Значительное место в книге уделено общественной миссии советского искусства. В. Разумный опровергает домыслы декадентов о том, что служение общественным целям, провозглашенное как эстетический принцип, противоречит смыслу искусства. Живой опыт советского искусства учит, что все подлинно прекрасное в социалистической художественной культуре порождено борьбой народа и служит ей.

Проблема художественного вкуса и закономерностей его формирования, вопрос о значении искусства в нравственном становлении личности — эти, а также другие актуальные вопросы теории и практики эстетического воспитания в нашей стране автор книги исследует с позиций ленинской теории отражения.

Думается, что с книгой В. Разумного «Проблемы социалистического реализма» полезно будет познакомиться не только художникам и критикам, но и широкому кругу читателей, интересующихся современным искусством.

Д. БОЛЬШОВ

В. А. Разумный. Проблемы социалистического реализма. Изд-во «Советский художник». Москва. 1963. 244 стр.

Ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота Министерство связи СССР выпустило марку, посвященную памяти старшины 1-й статьи Николая Вилкова.

В августе 1945 года во время войны с Японией Н. Вилков совершил героический подвиг.

...Шли бои за Курильские острова. Наш десант незаметно подошел к берегу. Моряки бросились с корабля в воду. Японцы открыли ожесточенный пулеметный огонь. Но десантники не дрогнули. Выстрелами из противотанковых ружей и гранатами они подбили восемь танков и двинулись вперед.

Неожиданно на пути моряков ожил дот. Старшина 1-й статьи Вилков побежал вперед и бросил гранату. Пулемет на минуту замол-

ИСТОРИЯ

В № 38 «Огонька» за 1949 год была опубликована история одной почтовой марки, которая была выпущена в честь освобождения советскими войсками совместно с чехословацкими партизанами местечка Скалице. На марке были изображены два воина: солдат Алексей Антонович Юраш и чешский партизан Никола Никилин. Я, как работник политотдела 53-й армии, тоже принимал участие в выпуске этой марки, получившей название «Памятка боевого братства».

В Скалице наши фронтовые дороги с А. Юрашем разошлись. В августе 1945-го мы встретились с ним еще раз и снова расстались.

— Я догоню вас, товарищ старшина!

Выбрал я выгодную позицию, дал команду, чтобы дровец накололи, кухню раздули. Мало ли хлопот у старшины! Забыл я про Варенникова.

И вот является Грицько, закопченный, опаленный, и несет в охапке, как вязку сена, какие-то лохмотья обгорелые — намного горше на вид, чем бе-у.

— Что это у тебя? — спрашиваю его строго.

А он съежился весь, Грицько. И всегда-то маленький, а тут еще меньше стал.

— Шинель,— мямлит.

— Чья шинель? — еще строже спрашиваю.

— М-моя,— заикается рядовой Варенников.

Как накинулся я на него:

— Вот как ты имущество бережешь!

Шинелька, правда, была бе-у, ветром подбита, вытертая, доброго слова не стоила, а все же шинель, единица обмундирования. В книге инвентарной черным по белому за Варенниковым записана.

Грицько заикается, оправдывается:

— Нечем было огонь... т-тушить. А з-здание-то какое!

— Будешь,— говорю,— до самого Берлина в своей куцей гимнастерке хе-бе прыгать. Вот доложу лейтенанту, он покажет тебе, как в самоволку ходить!

— Так я же не в самоволку,— прямо стонет Грицько Варенников.

Здорово я ему всыпал, еще от лейтенанта перепадет. И перепало-таки.

Ну, сварилась каша, едят освободители Киева, а Грицьку не естся и не пьется. Пошаркал, пошаркал лениво так в котелке, облизал ложку, воткнул за голенище, попросил табаку у хлопцев, закурил — первый раз в жизни.

И вдруг, ни на землю село, ни с неба упало, бедовый майор прибегает.

— Это такая-то часть?

— Так точно.— говорю.— Такая-то.

— Это ваш,— спрашивает,— солдат шинелью такой-то дом гасил?

— Да, наш,— говорю и вздыхаю. Мне уже и жаль стало этого Варенникова. Беспомощный он какой-то. От старшины досталось, лейтенант драил долгонько. Можно было бы уж высшему начальству и не выматывать душу у хлопца. Как-нибудь, инвентаризация начнется, спишем эту чертову шинель. В трофейной, в зеленой пофорсит, пока время пройдет. Не рад уж я, что признался.

Можно было сказать: не знаю, не слыхал, кто там пожар гасил. Огня много в городе. Многие гасят.

Промашку, думаю, дал какую. А еще хитрым Наумом прозвали. Вот тебе и хитрый Наум!

...— Да Наум же Иванович! — взмолился Сашко.— Вы про майора дальше рассказывайте. Куда он делся, этот майор?

— Ага! — опять оживился завхоз.— Майор! Майор тот покрутился, повертелся, был — и нету его... А тут под вечер автомобиль подкатывает прямо до самой нашей кухни... Нет, немного поодаль, вот там стал. Вот так кухня, а так автомобиль... Нет, вот тут автомобиль, а тут кухня...

Сашко даже плечами повел: «Вот тут, вот там, вот так». Что за подробности?

— Эге ж,— продолжал выпускать клубы дыма завхоз.— Выходит из автомобиля бе-едовый такой красивый майор и полковник — не меньше бедовый. Только строгий-строгий. Так. Новая шинелька на нем, генеральского сукна, пуговички блестят, как... Что вы говорите? Не так существенно, какие пуговицы? Понятно, оно для вас, может, и несущественно. А для старшины... Велел тут полковник роту построить.

«Эх,— думаю про себя,— скаред ты, старшина, скаред: из-за несчастной этой шинели, сто раз бе-у, да губить Варенникова! Молоденький совсем, зеленый, не обученный еще как следует, только-только из-за парты школьной. Тоже взбили бучу из-за онучи». Надо было лейтенанту сказать, чтобы влепил на полную катушку, и все было бы в порядке.

А тот строгий полковник говорит:

— Рядовой Варенников!

Замерла рота, стоит.

— Я-а-а,— пропел Грицько.

— Выйти из строя!

Выходит рядовой Варенников из строя, а у меня душа ноет: маленький, веки, брови спалены. Кабы это в колхозе было дело и перед строем стоял не строгий полковник, а, скажем, наш председатель колхоза Микола Шуляк, я бы подошел и сказал: «Куда твое дело! Чего выкаблучиваешься!» Но перед строем не Шуляк, а полковник. Он напускает на себя особенную строгость и говорит. Но что он говорит! Послушайте:

— От имени Президиума Верховного Совета... за проявленную инициативу и смелость...

И идет к растерявшемуся Грицьку и прикрепляет на обгорелую Варенникову гимнастерку орден Красной Звезды, жмет ему руку и целует его...

— Вы же,— говорит,— здание Совета Министров от пожара уберегли. Сам член Военного Совета разыскивал вас. Просил передать вам привет и благодарность...

А мы стоим и будто кинокартину смотрим. Грицько забыл, что отвечать нужно по уставу. И как расплачется да разревется — вовсе не по уставу уж. Видать, здорово нервы были натянуты. Нервы, куда твое дело,— вещь серьезная. Не у всякого они в норме. Ему орден дают боевой, от самого генерала поклоны передают, а он нюни распустил...

Так что и на войне не все героями были.

...Только когда писать будете, не перепутайте, как в той газете... Одни тут понапи-сы-вал! Будто я, куда твое дело, своей шинелькой огонь гасил, а Грицько перловую кашу варил. С неделю все Вергуны смеялись, как прочитали.

А чего бы это я зубы скалил? Да разве я не полез бы в огонь, кабы знал, что это за здание, да кабы знал, чем дело кончится!

С украинского перевел
П. КРАВЧЕНКО.

МАРКА— ПАМЯТНИК

чал, но потом снова хлестнули очереди. Вилков бросился навстречу огню и закрыл амбразуру дота. Пулемет захлебнулся. Моряки бросились в атаку и взяли высоту.

Когда боевые друзья подошли к герою, он был мертв. Из-под бушлата чуть виднелся флаг. Осторожно, словно боясь потревожить старшину, матросы вытащили бело-голубое полотнище и подняли над вершиной сопки.

Президиум Верховного Совета СССР присвоил Николаю Александровичу Вилкову посмертно звание Героя Советского Союза.

На склоне сопки острова, где Вилков совершил подвиг, воздвигнут белокаменный обелиск.

В. МИЛАНОВ

С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

И вот недавно, спустя 18 лет, я получил приятную весть: жив мой однополчанин! Работает он в поселке Красные Окна, Одесской области, в колхозе «Путь Ильича». Алексей Антонович рассказал мне, что постоянно переписывается с Николой Никилиным. Но Николай Никилин — партизанская кличка его друга. Настоящее же его имя — Павло Клвоч. Сейчас он работает в Скалище шофером.

На фотографии изображен один из вариантов композиции марки. Слева — А. А. Юраш, справа — Павло Клвоч.

С. ВЕРЕМЕЙ,
подполковник запаса
г. Омск.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

ВОРЫ-СИМУЛЯНТЫ

Большие убытки причиняют нью-йоркским универмагам не воры, а лжеворы. Специальность этих жуликов заключается в том, что, симулируя кражу, они дают себя арестовать сыщикам. Затем они предъявляют иски универмагам за ущерб, якобы нанесенный их доброму имени. Работают эти гангстеры бандами. За последние два года они выиграли много процессов и положили себе в карман большие суммы присужденных им штрафов.

ЗМЕИ В ПАПКАХ

В одном из учреждений Каира была проведена необычная охота на змей, забравшихся в фолианты и папки. Чтобы выдворить непрошеных гостей, пришлось вызвать известную семью охотников — Абдель Али Толба с его сыном и зятем. Эти специалисты своего дела особым, только им известным посвистом и горловыми звуками выманивали пресмыкающихся из их убежищ. Две самые крупные змеи были отправлены в каирский зоосад. Шесть других передали на станцию, добывающую яд для изготовления сыворотки от змеиных укусов.

КРУГЛОСУТОЧНАЯ РАБОТА

Семьюэл Скотт из Нью-Йорка решил оригинальным способом проблему круглосуточной работы. Скотт работает ночным сторожем на Бродвее, а днем спит... в витрине одного мебельного магазина в качестве рекламы кроватей.

МУКИ ДВОЙНИКА

Как мало удовольствия доставляет человеку быть чьим-то двойником, лучше всего знает некто Джил Провент из Лондона. Полиция арестовывала и отпускала его на свободу 38 раз только потому, что он удивительно похож на одного преступника.

ЗАМЕНИТЕЛЬ СУДЬИ

Несколько итальянских клубов поставили около футбольного поля мешки с песком, на которых написано «судья». Мешки эти предназначены для слишком экспансивных болельщиков: на них они могут выразить свое недовольство судьей без тяжелых последствий для самих виновников этого недовольства.

ПРОСЧИТАЛИСЬ

Собственники новой прачечной в Канзас-Сити, решив сделать своему заведению хорошую рекламу, торжественно вручили первому заказчику документ, дающий право до конца жизни бесплатно сдавать в стирку белье свое и своих домашних. Но оказалось, что этим заказчиком был заведующий соседним пансионатом, в котором живет 1 220 учеников.

У заслуженного артиста БССР Анатолия Шага арена в мгновение ока превращается в цветущий сад; под купол цирка взлетают голуби.

„Будьте здоровы!"

Пестрые афиши возвещают о выступлениях белорусского цирка. Реклама не обманывает: все, кто посмотрел представление «Будьте здоровы!», поставленное по сценарию Д. Вуроса и А. Шага, полюбили смелых, ловких и веселых артистов. Смех не умолкает под сводами цирка.

В программе представлены разнообразные жанры циркового искусства, но в каждом есть место шутке, элементы комического сочетаются с самыми головокружительными трюками.

Воздушный полет исполняет заслуженный артист Белорусской ССР Анатолий Вязов с партнерами.

— То, что делает Вязов под куполом цирка,— шутит Герой Советского Союза Коккинаки,— напоминает мне мой полет в воздухе, разница только в высоте.

На арене молодой жонглер Ян Польди на одноколесном велосипеде. Ян выступает всего второй год, хотя на манеже он, можно сказать, с пеленок — ведь здесь работают его отец и мать. Мальчик словно сросся с велосипедом: он жонглирует на нем, проделывает всевозможные трюки...

Тяжелые шары, булавы и гири — как пушинки в сильных руках А. Нелиповича. А вот на арену вылетели наездники Ж. и Л. Кривых. Лошади, послушные их воле, грациозно танцуют.

Огромного медведя зовут Гоша. С ним работает дрессировщик Н. Кудрявцев. Гоша, добродушный, большой, кажется очень ленивым. Но началась «работа», и, как заправский акробат, Гоша вольтижирует, жонглирует горящими факелами, кувыркается, прыгает.

Беленькие собачки вопреки вековым предрассудкам демонстрируют большую дружбу с кошками, катая их на маленькой тележке.

У клоуна В. Колобова, который весь вечер присутствует на манеже, нет традиционных клоунских интермедий. Мы видели его в пародиях на различные номера во всех жанрах, которые заставляли зрителей искренне смеяться.

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Л. ХЛЮППЕ

Кошкам катание нравится!

Жонглируют Э. Кеменова и Ф. Моисеенко.

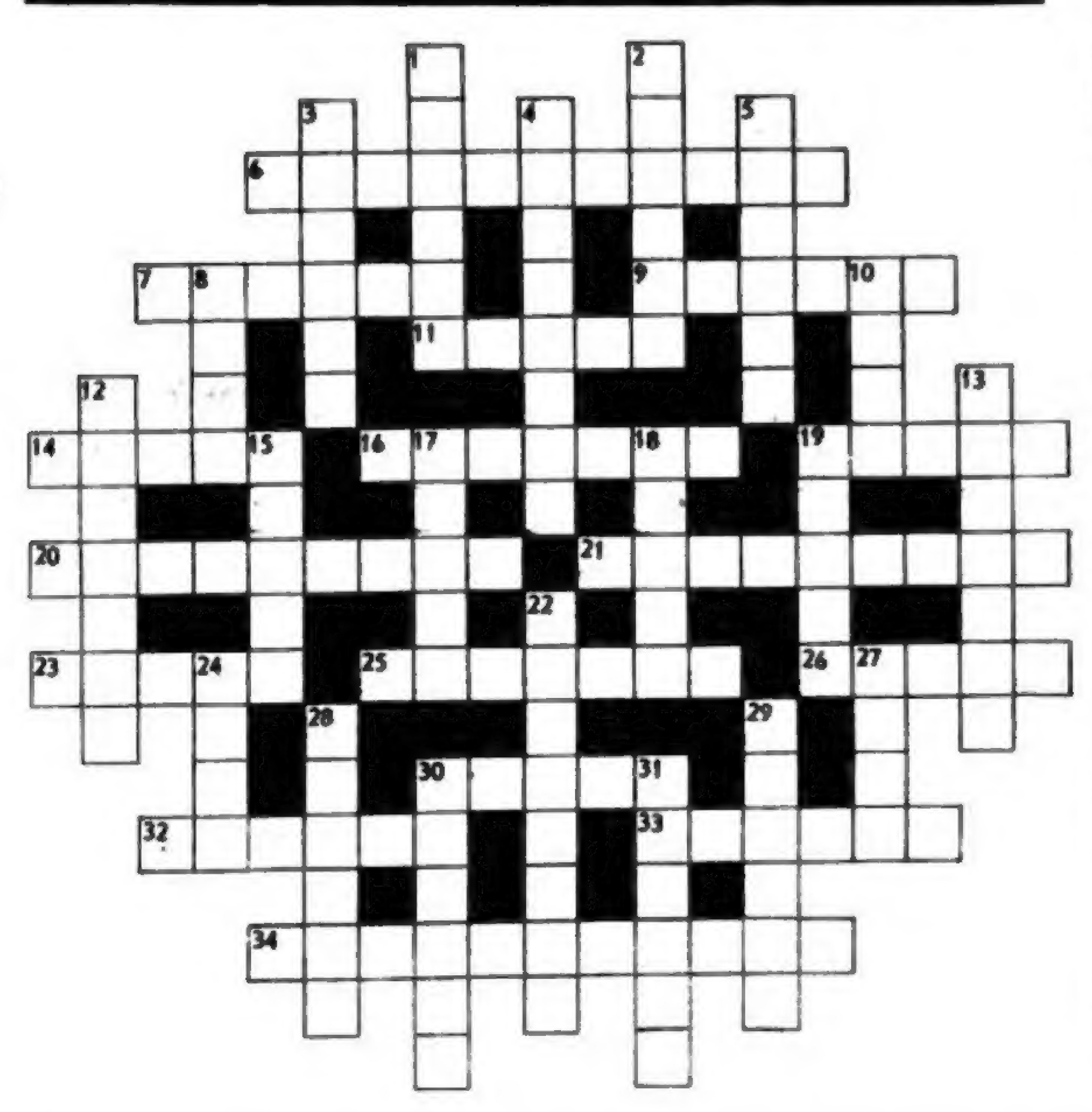
Дрессированный медведь демонстрирует высокие скорости на манеже.

Музыкальный эксцентрик Отливаник играет на... ключе.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. День недели. 7. Музыкальное произведение в быстром темпе. 9. Продольный край доски. 11. Созвучное окончание стихотворных строк. 14. Соцветие. 16. Спортивное общество. 19. Вид театрального искусства. 20. Часть математики. 21. Миниатюрная скульптура. 23. Единица счета писчей бумаги. 25. Учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 26. Химический элемент. 30. Стеклянные цветные шарики. 32. Русский композитор. 33. Река в Азии. 34. Актер МХАТа, народный артист СССР.

По вертикали:

1. Руководитель высшего учебного заведения. 2. Живопись красками по сырой штукатурке. 3. Город во Владимирской области. 4. Образное поэтическое выражение. 5. Привилегия. 8. Столица Экуадора. 10. Промысловая рыба. 12. Литературный жанр. 13. Сорт слив. 15. Упрощенный чертеж. 17. Плоский прямоугольный кусок металла, камня. 18. Персонаж оперы Э. Ф. Направника «Дубровский». 19. Верхняя рубаха. 22. Роман Жорж Санд. 24. Приток Днепра. 27. Овощ. 28. Советский физик. 29. Ряд ламп освещения сцены. 30. Пушной зверь. 31. Опись, перечень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

5. Серафимович. 6. «Работница». 8. Агат. 10. Темза. 11. Овал. 17. Фата. 18. Календарь. 19. «Фрам». 20. «Риголетто». 21. Разметнов. 23. Пони. 24. Древесина. 25. Азия. 26. Парк. 28. Штейн. 30. Охра. 31. Сталактит. 32. Ботанизирка.

По вертикали:

1. Бейрут. 2. Баббит. 3. Тоника. 4. «Динамо». 7. Тюмень 9. Глаголица. 12. Амфитеатр. 13. Баритон. 14. Пантера. 15. Дрезина. 16. Газолин. 22. Венера. 27. Кессон. 28. Шпагат. 29. Натрий. 30. Оптика.

На первой странице обложки: Операторы радиолокационной станции рядовые А. Гнетецкий и Н. Рыбкин за проводкой воздушной цели.
Фото Б. Иванова.

На последней странице обложки: За Полярным кругом (см. в номере репортаж «Невыдуманная романтика»).
Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Сдержанно, игриво

И_ дет по го. ро.ду сол.дат.

И.дет по го. ро.ду сол. дат,

гвардей.ский вид, ве.се. лый взгляд. На.встречу

де.ву.шка од. на, е.му по. нра.ви.лась о. на. Е. му по. нра.ви.лась о.

Для перехода на нов. куплет.

.на. .рот. А вы.шло все на. о. бо. рот, а вы.шло

rit. a tempo

все на. о. бо. рот. А вы. шло все на. о. бо. рот. Вот!

Солдат в переплете

Слова Сергея СМИРНОВА. Музыка Бориса МОКРОУСОВА.

Идет по городу солдат —
Гвардейский вид, веселый взгляд.
Навстречу — девушка одна,
Ему понравилась она. } *2 раза*

Солдат шагнул наперерек
И лихо взял под козырек:
— Наверно, скучно вам одной,
А я сегодня отпускной. } *2 раза*

Смеется девушка в ответ,
Не говорит ни «да», ни «нет».
А тут суровый офицер
Берет солдата на прицел: } *2 раза*

— Ты почему средь бела дня
Не поприветствовал меня?
Тебе, советскому бойцу,
Такое дело не к лицу! } *2 раза*

По стойке «смирно» встал солдат —
Убитый вид и грустный взгляд.
И, вероятно, потому
Кивнула девушка ему. } *2 раза*

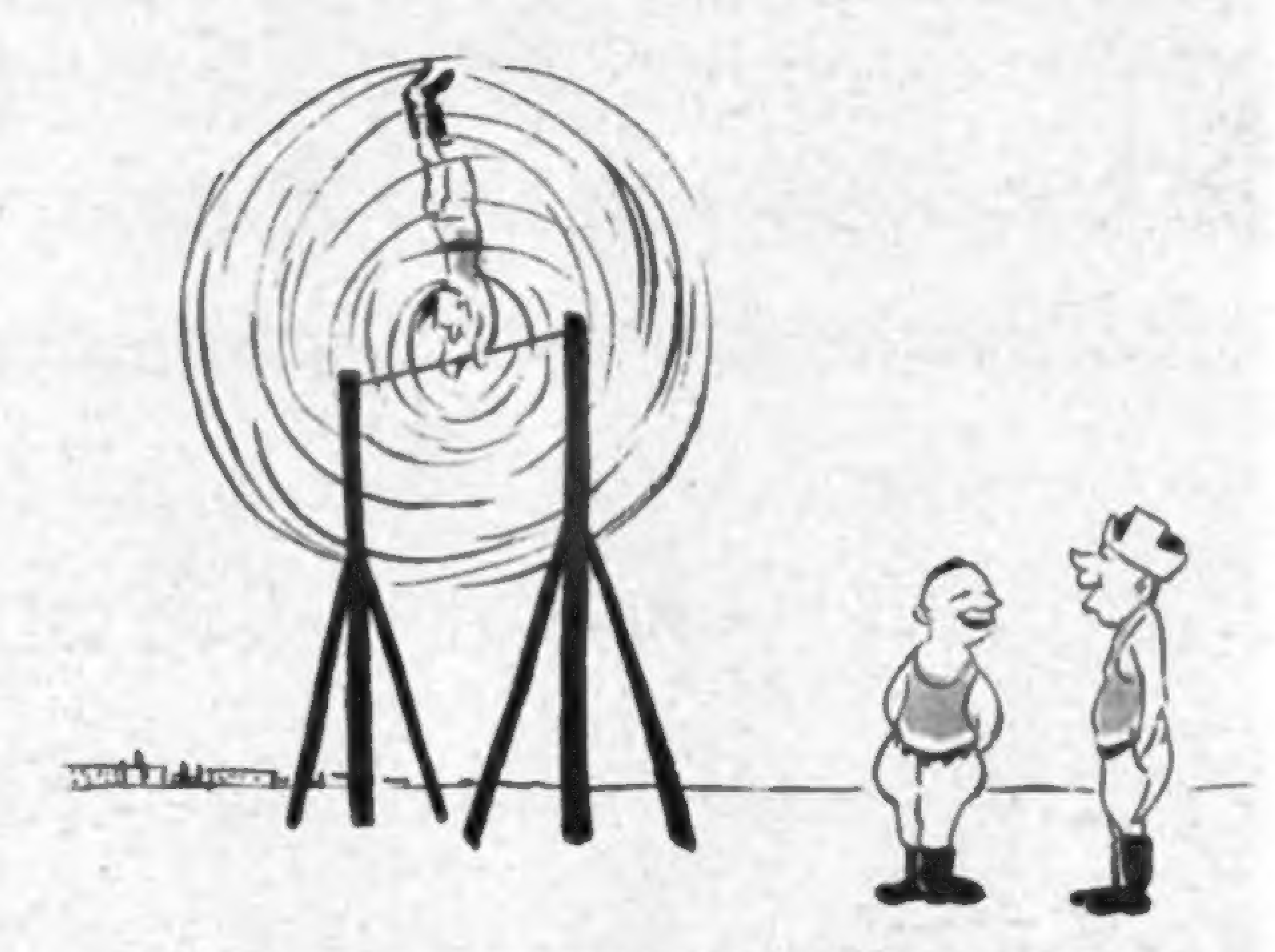
От этой чуткости большой
Воспрянул парень всей душой.
Солдат попался в переплет,
А вышло все наоборот. } *2 раза*

Вот!

Солдатская смекалка.

Рис. Г. и В. Караваевых.

— Вот так же он вертелся, когда ротный его по уставу гонял.

Рис. В. Воеводина.

— За ваше отсутствие ничего существенного не произошло.

Рис. Г. и В. Караваевых.

На привале.

Рис. Ю. Черепанова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00630. Подписано к печати 19/II 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 000 000. Изд. № 200. Заказ 451.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663